

попаданец

Владимир
Марков-Бабкин

ИМПЕРИЯ ИСПРАВЛЯЯ ЧИСТОВИК

Попаданец (АСТ)

Владимир Марков-Бабкин
Империя. Исправляя чистовик

«Издательство АСТ»

2021

Марков-Бабкин В.

Империя. Исправляя чистовик / В. Марков-Бабкин —
«Издательство АСТ», 2021 — (Попаданец (АСТ))

1919 год. Империя Единства России и РOMEи. На троне — император Михаил, а рядом — его прекрасная жена Мария, в девичестве — принцесса Иоланда Савойская. Дочери Николая II Ольга стала королевой Румынии и Трансильвании, Татьяна — королевой Сербии. Сам бывший самодержец коротает время в казино Монте-Карло. Идиллия? Да как бы не так! Войны, интриги, заговоры, убийства и покушения. И, конечно же, бесконечные интриги! Наш царь-попаданец старается изменить мир, но мир огрызается самым решительным образом! И как вишенка на торте — разоблачение того факта, что наш главный герой — попаданец. Как он выкрутится из всего этого?

© Марков-Бабкин В., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть первая	6
Вместо пролога. Пикник высочайшего двора	6
Глава I	14
Глава II	26
Глава III	36
Глава IV	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Владимир Марков-Бабкин

Империя. Исправляя чистовик

Посвящается моей семье.

Отдельное спасибо Виталию Сергееву.

Часть первая

История сослагательного наклонения

Вместо пролога. Пикник высочайшего двора

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. МРАМОРНОЕ МОРЕ. ОСТРОВ ХРИСТА. 5 мая 1919 года

Моя история имеет сослагательное наклонение. Так уж получилось. Впрочем, послезнание попаданца не слишком-то теперь помогает мне, ведь многое из того, что я помнил из своего 2015 года, изменилось настолько, что незыблемые каменные Скрижали истории вдруг превратились в восковые таблички, плывущие под жарким солнцем измененной реальности.

Все труднее разобрать написанное на Скрижалях. Все труднее узнается знакомое. Все таеет. Все меняется. И я, вместо того чтобы гнить на дне пермской шахты с простреленной головой, пирую сейчас с монархами на собственном Острове. Такое прочтение известной истории мне, конечно, нравится намного больше. Но кому сказать спасибо за то, что я вообще оказался в этом времени и в этом теле?

Римский император поднял бокал:

– Дорогой зять и августейший брат Михаил! Дорогая дочь! Год назад вы подарили нам с Еленой чудесных внуков. Ваши милые дети сделали счастливыми не только вас, но и нас.

Виктор Эммануил Савойский кивнул в сторону жены, которая держала на своих коленях близняшек-именинников, периодически целуя их и ласково шепча им что-то на ушко. Интересно, на каком языке Елена им шепчет? На итальянском? На русском? На недавно провозглашенном ее царственным отцом черногорском?

Я покосился на короля Черногории. Никола I добродушно глядел на держащего бокал итальянского зятя. Само благодушие и умиротворение написаны на его лице. Типичный благообразный обыватель. А ведь за маской деревенского простачка прячутся мозг, хитрость и коварство редкого по своей сути интригана. Да уж, в немалой степени ум, хватка и артистизм Маши, в девичестве принцессы Иоланды Савойской, унаследованы ею от деда, человека, который, будучи мелким князьком Османской империи, не только умудрился добиться независимости Черногории, став ее первым королем, но и сумел путем совершенно невообразимых интриг устроить блестящие браки своих многочисленных детей с представителями куда более знатных и могущественных династий, за что и получил прозвище Всеевропейский тесть и свекр. Италия, Россия, Сербия, Германия, Австро-Венгрия, Греция. Тесть Римского императора и одновременно дед жены императора Единства России и Ромеи, правителей двух величайших держав Средиземноморья и гарантов независимости маленькой Черногории, к тому же, кстати сказать, живущей большей частью на их деньги. Только моему бюджету каждый год эта «маленькая, но гордая птичка» обходится в миллион рублей золотом. Рим же через разные программы дает ей еще больше.

В общем, дед моей любимой жены – прекрасный и обаятельный человек! Сумел, сидя в своем захолустном имении и попивая ракию на веранде, оказаться нужным и полезным для основных игроков Новоримского Союза. И вряд ли в этой версии истории он умрет в изгнании. Ни в какую Югославию я не дам Черногорию загнать. Сербский муж Татьяны Николаевны как-то перетопчется. Аппетиты придется умерить. Впрочем, Сербия, как и Румыния, обратила сейчас все взоры на север, плотоядно облизываясь, глядя на куски покойной Австро-Венгрии.

Так что благодушное спокойствие деда моей любимой Маши действительно имеет под собой твердые основания. Воевать за чужие интересы он точно не собирается.

Да, Первая мировая выиграна нами вничью в нашу пользу. Проигравших формально нет, но, вопреки известной мне версии истории, реальными победителями в войне стали Империя Единства России и РOMEи, а также Италия, приобретающая колонии в Малой Азии и на Ближнем Востоке, а главное, небезызвестный город Иерусалим. Ну и другие изменения реальности типа французской революции и восстановления там монархии или независимости той же Черногории, с желаниями которой нам приходится сейчас мириться.

Нет, мы, конечно же, не просто так даем Черногории этот миллион, но большая база в Катарро для эскадры нашего Южного флота на Адриатике и несколько прочих баз, включая военно-воздушную, явно не стоят таких сумасшедших денег. Ничего не попишешь, геополитика, мать ее. «Маленькая, но гордая птичка» – это наша опорная база на Балканах.

Хотя, конечно, то же королевство Монако не только обходится нам куда дешевле Черногории, но и приносит лично мне известную прибыль. Игорные дома и все такое. К тому же я никогда не предполагал, что в братце Коле проснется вдруг такой заядлый посетитель казино. Что ж, жизнь в Монако накладывает свой отпечаток. Представляю, как его пилит Аликс за эти загулы. А может, бывший самодержец туда от Аликс и сбегает, пытаясь за игровым столом найти себе хоть какую-то отдушину от душевной тоски, благо денег на мелкие шалости у него предостаточно. Да и моим спецслужбам работать с ним там куда проще. Впрочем, это уже совсем другая история.

Мой римский тесть меж тем продолжал свой тост. Неаполитанское «*Lacryma Christi*», «Слезы Христа», сияло рубином сухого красного вина в его хрустальном бокале, преломляя свет яркого пламени костра.

– Я уверен, что в каждой итальянской семье сегодня молятся Деве Марии за свою принцессу Иоланду и за ее славных детей. Ваш брак объединил наши народы, открыв новую страницу в истории наших государств и дав возможность возродить Древний Рим в новом качестве – от Средиземного моря и Иерусалима до Тихого океана, и от Индийского до самого Северного Ледовитого! Масштаб Новоримского Союза не снился даже античным цезарям! Я поднимаю свой бокал за благополучие и процветание вашей семьи, за здоровье внуков и за их великое будущее!

Встаю и чокаюсь бокалом с правителем Западной Римской империи.

– Благодарю, Виктор, за очень теплые слова и прекрасные пожелания. Верю, что поколение Александра и Виктории ждет чудесное будущее, полное величия, славы и процветания всех наших народов. За здоровье именинников!

Августейшая поляна оживленно зашумела. Царица Болгарии Мафальда бросилась целовать сестру, приговаривая Маше различные приятные пожелания, моя супруга не оставалась в долгу. Борис Болгарский чокнулся бокалом со мной, а вот уже и приснопамятный черногорский Никола сжал меня в отеческих объятьях, мешая своему зятю и моему тестю получить доступ к брэнному телу императора Единства. Местоблюстителница РOMEи сестрица Ольга Александровна весело толкала мужа в бок, а жарящие шашлыки горцы Дикой дивизии, по своему обыкновению, что-то восторженно выкрикивали.

В общем, поднялась обычная суэта и сумбурная радость, которая, как правило, случается во время любых пикников на природе, когда сам свежий воздух неформальной обстановки пьянит почище любого алкоголя...

РУМЫНИЯ. ЗАМОК ПЕЛЕШ. КОРОЛЕВСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ. 5 мая 1919 года

Ольга Николаевна с тоской смотрела на окружающие замок покрытые лесом горы. Она стала королевой Румынии совершенно неожиданно и гораздо раньше, чем предполагала. И значительно раньше, чем была к этому готова. Пандемия «американки», едва не убившая в прошлом октябре ее царственного дядю Михаила, обошлась с ее румынским свекром более решительно, прикончив Фердинанда Первого всего за два дня.

И надо же было такому случиться, что вспышка заболевания полыхнула в аккурат вскоре после прибытия свадебного поезда из Константинополя, доставившего в Бухарест самого наследника престола принца Кароля и его новоиспеченную русскую жену вместе с полагающейся ей по случаю свитой, фрейлинами и прочими советниками.

Нужно ли говорить, что злые языки при Дворе тут же заговорили о том, что это чуть ли не лично она привезла в Бухарест страшную заразу... А если не она, то точно кто-то из ее окружения. И никого не интересовало, что в Румынии и, в частности, в ее столице «американка» гуляла и до приезда Ольги, а сами молодожены провели медовый месяц на уединенном острове посреди Мраморного моря, и за это время на острове не было ни одного случая «американки». Впрочем, часть ее Свиты действительно прибыла из столицы РOMEИ, где, как в любом крупном городе мира, пандемия разгулялась не на шутку.

Конечно, такие разговоры не добавляли ей популярности ни среди знати, ни среди простого народа, а столь молниеносное воцарение не дало ей возможности сколотить среди элит группы влияния, на которые она могла бы опереться в том шипящем, источающем яд змеином клубке, который зовется дворцовой жизнью.

Августейший супруг, ставший вдруг королем, сразу же ударился во все тяжкие, особенно после новости о беременности Ольги. Ее фактически заперли в этом замке, пусть и обставив это официальным переносом сюда Штаба верховного главнокомандующего. Но за истекшие полгода Ольга мало видела своего царственного мужа. Он все больше пропадал «на совещаниях в столице», хотя неофициально Ольге, конечно же, шептали о том, что Кароль все больше проводит время на пирушках и приударяет за молоденькими барышнями.

В том, что муж активно приударяет, у нее не было ни малейших сомнений. Постоянно возбужденный Кароль, страдающий приапизмом, не мог пропустить ни одной юбки, а уж корона вообще раскрепостила его во всех смыслах этого слова. Так что после довольно приятного в этом плане медового месяца Ольга мужа толком и не видела, проводя долгие тоскливые вечера в компании своих фрейлин либо рыдая по ночам в подушку.

Впрочем, в последние две недели его визиты в замок участились, но он приезжал не к ней. Он был одержим идеей победоносной войны за Трансильванию. И печальный опыт разгрома прошлой осенью переодетых в австро-венгерскую форму румынских «добровольцев» ни в чем его не убедил. Наоборот, Кароль считал, что он допустил ошибку, пойдя на поводу у Москвы. Мол, если бы в Венгрию вступила регулярная румынская армия со всеми средствами усиления, то кампания давно была бы уже выиграна.

И было у Кароля много обид. На Россию за отказ принимать участие в войне. На Ольгу, которая должна была это участие России обеспечить и вообще должна была получить из Москвы много-много всего в качестве приданого. А разве можно считать помощь Единства достаточной? Нет, в Бухаресте рассчитывали совсем не на это! Разочарование и обида были слишком большими, как у человека, который считал, что, заключив политический брак с племянницей русского императора, поймал Бога за бороду, и вдруг понял, что все обстоит ровно наоборот.

Он стал холоден с ней. Кароль хотел получить наследника трона, семья же его, по большому счету, не интересовала. Он хотел Трансильванию. У него была своя идея фикс, и румынский монарх посвящал ей все свободное от гулянок время.

Да, Кароль был уверен в своем историческом предназначении стать создателем Великой Румынии, слава которой воссияет в веках. Хотел стать легендарным Каролем Великим! И

с этими своими военными приготовлениями он совершенно забросил государственные дела, так толком их и не приняв. Королевством правили другие, запустившие свои липкие ручонки в государственные финансы и выколачивающие из крестьян последнее. Никаких реформ в Румынии не проводилось, страна беднела, жирные коты во власти становились все жирнее, а простой народ становился все более нищим. Недовольство масс росло, но никому при Дворе до этого не было никакого дела. Ольга видела, что все летит в тартарары, но ничего не могла с этим поделать.

Они близились к катастрофе. И была лишь надежда на царственного дядю Михаила, который не должен допустить ужасного конца для нее и всей, теперь уже ее, Румынии. Он ведь твердо обещал ей это. И она согласилась выйти замуж. Но разве у нее был выбор?

Ольга всхлипнула, вспомнив о том, какими радужными мечтами были полны она и ее сестры еще три года назад. Еще бы! Дочери могущественного императора Николая Второго! Завидные невесты с огромным приданым и личным состоянием! И, главное, за ними стояло могущество России!

Нет, нельзя сказать, что все рухнуло в одночасье. Ощущение неминуемой катастрофы у них появилось где-то за полгода до отречения папА. Все было почти так, как сейчас в Румынии. И они ожидали по итогу много худшего, настоящей революции, по сравнению с которой, зная разницу между французскими и русскими крестьянами, события, последовавшие после падения Бастилии, показались бы просто костюмированным балом.

Слава Богу, все разрешилось сравнительно благополучно. Вместо революции на трон возшел дядя Михаил, революционную волну удалось сбить, война была выиграна, и даже, после разгрома Османской империи, была завоевана Ромея. Но как отразилось это на их личных судьбах? Победоносно ли? Да от них шарахались, как от зачумленных! И мамА все время твердила, что Михаил Второй их обязательно убьет так или иначе. А если не он, то всенепременно это сделает его итальянская женушка Иоланда, мечтающая прибрать к своим рукам всю реальную власть в России для своих римских старых семей и Ватикана.

События октября прошлого года и вовсе выставили семью бывшего императора Николая в дурном свете. МамА публично наговорила прессе много глупостей, а их побег на Кипр стал просто несусветным скандалом, настолько грандиозным, что Британия мягко посоветовала ее отцу, матери, сестрам и братьям перебраться куда-нибудь в более прекрасное и тихое место, дабы не омрачать своей скандальностью патриархальную чопорность Лондона.

Что ж, место было выбрано. Новоиспеченное королевство Монако приняло высокопоставленных беженцев. ПапА, мамА, Анастасия, Алексей и маленький Николай перебрались в княжество отдыха и азарта, где и сняли приличную виллу. Мария осталась в Лондоне, и вроде у них там все серьезно с Дики, с лордом Маунтбеттеном. Ну, дай-то Бог.

МамА пишет, что папА увлекся играми в казино и беспокоится по этому поводу, но чаще дает ей нескончаемые наставления, как использовать корону Румынии для возвращения русского трона в их семью. Но что она может сделать? Ведь даже во время скандала с мамА ей и Татьяне приходилось быть рядом со столь ненавидимой их мамА итальянкой, ставшей новой русско-ромейской императрицей. Однако на кону стояли их королевские свадьбы, и они не могли себе позволить какую-то фронду в этих условиях. Увы, могуществом России сейчас распоряжается не их семья. Не от хорошей же жизни папА зачастил в казино, отнюдь не от хорошей.

Дверь без стука распахнулась.

– Дорогая, я рад тебя видеть.

Кароль не сделал попытки поцеловать жену или даже приблизиться к ней, безразлично усевшись в кресло в другом конце большой комнаты.

– Как ты себя чувствуешь?

Вопрос был задан столь холодным тоном, что отвечать на него не было никакого смысла. Ольга демонстративно промолчала, на что, впрочем, вопрошавший не обратил ни малейшего внимания.

Хмуро побарабанив пальцами по подлокотнику, Кароль раздраженно бросил:

– Россия вновь отказала нам в поставках тяжелых орудий и броневиков. Это возмутительно и не соответствует союзническим обязательствам. Изволь, будь добра, передать мое удивление твоему августейшему дяде. Мы договаривались отнюдь не об этом. Отнюдь не об этом! Мне нужны пушки, достань мне их.

Дорогой муж встал и, не говоря больше ни слова, вышел из комнаты. Ответный взгляд, полный ненависти и презрения, хлестнул по двери, уже закрывшейся за ним.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. МРАМОРНОЕ МОРЕ. ОСТРОВ ХРИСТА. 5 мая 1919 года

Царь Борис с аппетитом уминал шашлык, нисколько не заботясь о приличиях, манерах и о том, что я помимо слов слушаю его вкусное чавканье. Впрочем, все монархи за этим деревянным столом вели себя примерно так же. Это только в кино и на великосветских приемах все чинно и благородно, а дай только нам, королям с императорами, расслабиться, так мы начинаем себя вести, словно бесшабашные гимназисты или кадеты. Кто не верит, тот пусть посмотрит колоритные фото со мной, Ники и прочими августейшими особами, которые дурачились перед фотографической камерой так, словно не монархи они, а... Ну, вы поняли. Точнее, фотографии не со мной, а с моим прадедом. Хотя тело то же самое, в том смысле, что у меня его тело, так что... Короче, вы опять все поняли. Во всяком случае, я надеюсь на это.

– Кароль уговаривает меня принять участие в походе на Венгрию... Хочет, чтобы мы ему помогли отвоевать эту чертову Трансильванию.

Жую кусок отличного мяса и киваю.

– Предложение соблазнительное... А что взамен?

Тот пожал плечами.

– Ну а что он может нам предложить-то? Вернуть назад нашу Южную Добруджу.

Усмехаюсь.

– Тогда нам следовало бы запросить за помощь Добруджу Северную и все устье Дуная.

Борис хохотнул:

– И отрезать Румынию от моря??? Не думаю, что он обрадуется этому предложению. Да и не поймут его внутри страны. Одно дело – территории, которые были приобретены всего несколько лет назад в результате Второй Балканской войны и позорного сговора за спиной Болгарии, а другое – вот это все. В Румынии, как ты знаешь, до сих пор мечтают вернуть Молдавию и Бессарабию, включая Одессу.

– Перебьются. Пусть сначала Трансильванию завоюют.

Царь болгарский согласно кивнул.

– Да, там все будет не так просто. Венгры сильнее объективно, так что я вполне понимаю, почему Кароль ищет союза, тем более что НРС не демонстрирует желания влезать в новую войну из-за прихоти Румынии.

– А ты готов влезть?

Мой собеседник сморщился:

– Не знаю, откровенно говоря. Собственно, я хотел с тобой посоветоваться. С одной стороны, наша Южная Добруджа, но, с другой...

Я ждал. Наконец Борис задал мучивший его вопрос:

– Если Румыния, Сербия и, скажем, Болгария объявят войну Венгрии, можем ли мы рассчитывать на помощь и вступление в войну России?

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. РОМАНОВ-НА-МУРМАНЕ. 5 мая 1919 года

Наместник Севера хмуро смотрел на хмурый городок, который накрывало хмурое северное небо. Серость во всем. Серые краски, серые воды, и сам серый воздух, казалось, был полон неизбывной серости, окрашивая в серое бесцветие все вокруг.

Нет, за последние два года здесь изменилось очень многое. Основанный лишь семь лет назад поселок бурно развивался, гремя и звеня звуками тысяч молотков, топоров и лопат. Новый главный северный порт империи, мощная железнодорожная колея, две инженерно-строительные бригады ИСК, ведущие строительство нового города и порта при нем.

Романов-на-Мурмане. Единственный незамерзающий порт Севера. Резервные ворота империи. А где-то там, южнее, немцы строят Беломорканал, так, чтобы через него могли проходить не только линкоры, но и торговые суда соответствующих размеров. Начало Северного морского пути.

– Ваше высокопревосходительство, адмирал Колчак!

Генерал граф Маниковский обернулся к адъютанту и кивнул:

– Проси.

КИТАЙ. ХАРБИН. КИТАЙСКО-ВОСТОЧНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА. ЗДАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ КВЖД. 5 мая 1919 года

Гондатти брезгливо вытер белоснежным платком пыль со стола.

– Сколько служу на Дальнем Востоке, столько борюсь с грязью и невежеством. И если наши еще так-сяк, но научились и хотя бы в присутственных местах поддерживают относительный порядок, то в Маньчжурии положение с этим просто отчаянное.

Наместник Дальнего Востока помолчал, а затем спросил в сердцах:

– Пятнадцать миллионов местных куда прикажете девать?

Генерал Ходнев пожал плечами.

– Ну, в Ромее как-то же мы справляемся, а там народу поболее будет.

Гондатти фыркнул:

– Вы сравнили Ромею и Маньчжурию. Впрочем, я не стану спорить, заселение Маньчжурии русскими переселенцами крайне важно для колонизации региона, но в Маньчжурии сейчас примерно шесть-восемь миллионов ханьцев, не считая местных. С ними-то что делать?

Присланный из Москвы заместитель наместника по вопросам безопасности лишь сделал гримасу безразличия на лице:

– Китайцы, насколько я помню, совсем недавно начали проникать сюда, вопреки законам династии Цин.

Хмурый кивок.

– Это верно. Но они уже здесь. И потом, как сейчас посмотрят Япония и Британия на желание России аннексировать всю территорию Маньчжурии севернее КВЖД, срезав китайский выступ от Читы и до Владивостока?

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. АНТИОХИЯ. ОСТРОВ АРВАД. АРВАДСКИЙ ЗАМОК. 5 мая 1919 года

Они шли по дорожкам внутреннего дворика замка, построенного семь веков назад еще крестоносцами; замка, который властвовал над древним городом, насчитывающим уже четыре с половиной тысячи лет, и который, по легенде, основал Арвадей – правнук библейского Ноя.

Они шли по древним камням и обсуждали дела страны не менее древней, чем Арвад. Страны, история которой теряется во тьме тысячелетий.

– Ваша светлость, после высылки и ареста на Мальте бывшего премьер-министра Саада Заглула и прочих лидеров борьбы за независимость ситуация в Египте стала для британцев крайне тяжелой. Восстание разгорается. Открытие огня австрало-новозеландскими солдатами по мирной демонстрации в Каире произвело огромное впечатление. Улицы полны возбужденных египтян. Страна охвачена всеобщей забастовкой. И хотя Саад Заглул продолжает призывать к мирному неповиновению, однако далеко не все готовы на такую пассивную борьбу, считая, что ничего таким образом добиться не удастся и британцы не уйдут.

Егермейстер Двора и личный главный ловчий государя князь Емец-Арвадский кивнул:

– Да, независимость Египта крайне важна для империи. Но мирная борьба Саада Заглула и его сторонников не только может растянуться на годы, но и не гарантирует потерю Британией контроля над Суэцким каналом. Этого мы позволить не можем. Отношения должны быть испорчены так, чтобы ни о каком присутствии англичан в Египте и речи не шло.

Начальник поисковой команды ЭСЕС по отлову редких животных в Египте полковник Михаил Скарятин заметил:

– Помимо нас партии стрелкового оружия египтянам контрабандно передают также немцы, американцы, итальянцы и французы. По моим оценкам, оружия там уже вполне достаточно для того, чтобы при случае начались серьезные бои. Британцы прекрасно это понимают и нервничают. Случаи спорадического открытия огня со стороны их солдат происходят все чаще.

Глава Экспедиции службы егермейстера Двора помолчал, размышляя. В саду пели птички, журчала вода в фонтане, но мысли Анатолия Емца были далеко от этих красот и прочих древностей.

Впрочем, древний замок был очень удачным и дальновидным решением императора Михаила. Как часто это бывает, в его повелениях и планах всегда были скрытые смыслы и тройное дно. Вот и в этот раз, пожелав вознаградить своего верного ловчего за операцию по предотвращению переворота и дискредитацию притязаний на престол со стороны бывшего царя Николая и его сыновей, Михаил Второй высочайше пожаловал графу Емцу-Авлонскому еще и княжеский титул, замок и право на приставку к фамилии, образованную от имени острова и замка: Емец-Арвадский.

Потайным же дном этого пожалования был сам остров Арвад, расположенный буквально в трех километрах напротив порта и города Тартус в ромейской Антиохии. Остров, имеющий небольшую тихую бухту, служившую пристанищем рыбаков и контрабандистов всех мастей, и всего несколько тысяч обитателей, оставшихся после переселения из прибрежной зоны безопасности Ромеи жителей нехристианского вероисповедания. Рядом британский Кипр. Рукой подать до Египта. Французский Левант под боком. Отличная база для прикрытия операций ЭСЕС в регионе Восточного Средиземноморья. Не менее отличная, чем королевство Монако с местным экстерриториальным причалом, как база для операций на Западе.

Вот и пришлось новоиспеченному князю Арвадскому примерить на себя роль наследника рыцарей-крестоносцев. Хотя чем ЭСЕС хуже каких-нибудь тамплиеров? Ладно, бог с ними, с тамплиерами, тут с наследниками фараонов дел предостаточно.

– Полковник, по поступившим сведениям, два пехотных батальона будут на следующей неделе переброшены британцами с Кипра и еще один батальон – с Мальты.

Скарятин нахмурился.

– Это вдобавок к двум канадским пехотным полкам?

Емец, помолчав некоторое время, сделал неопределенный жест.

– Трудно сказать, Михаил Владимирович. Может, и так. Но есть неподтвержденные сведения о том, что канадцев перебросят в Ирландию. Хотя, не спорю, значимость Суэца для

Британии куда выше, чем значимость той же Ирландии. В любом случае мы не можем ждать прибытия дополнительных сил англичан в Египет...

РУМЫНИЯ. ЗАМОК ПЕЛЕШ. КОРОЛЕВСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ. 5 мая 1919 года

– Ваше величество, из Константинополя прибыла баронесса Ольга Мостовская с бумагами от княгини Натальи Емец-Арвадской, гофмейстерины Двора императрицы Марии.

Ольга облегченно выдохнула. Что-то должно сейчас проясниться!

– Да, проси ее поскорее.

Фрейлина Екатерина Теодорою поклонилась и распахнула дверь...

Глава I

Бытовые этюды большой партии

**ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ.
МОСКВА. 5 мая 1919 года**

Сегодня Москва гуляла, как гуляли сегодня вся Россия и все Единство. И если для Ромеи поводом для веселья были только дни рождения цесаревича Александра и царевны Виктории, то в России это был еще и первый День Конституции, высочайше дарованной государем императором ровно год назад, 5 мая 1918 года.

Конечно, сегодня гуляли весьма и весьма скромно. «Американка» все еще лютовала, и власти делали все, чтобы не допустить излишнего столпотворения. Во всяком случае, никаких массовых гуляний не предполагалось, хотя, впрочем, оркестры в парках и на площадях все так же бравурно играли, а парочки все так же устраивали променад, дефилируя по тенистым аллеям, раскланиваясь со знакомыми и вежливо улыбаясь многочисленным инспекторам ИСС, которые наряду с городовыми следили за тем, чтобы гуляющие не собирались большими группами.

Хорошо хоть в честь праздника в Москве разрешили на открытом воздухе быть без масок, так что москвичи радостно пользовались таким щедрым послаблением, чувствуя в этом ту самую нотку праздника, которой всем так не хватало за последний год.

Впрочем, в массе своей обыватели, напуганные болезнью самого государя императора и смертью немалого числа персон из первой сотни властной вертикали, и сами не слишком-то рвались обниматься. Даже на Пасху, отпумевшую две недели назад, никто христосоваться не спешил, ограничиваясь радостными поклонами и приветствиями, а уж о целовании крестов и икон даже речи не шло, ибо власть подошла к этому вопросу весьма жестко, поставив в каждой церкви инспектора ИСС и приставив к нему городского. Конечно, эксцессы на местах случались, но в целом прихожане с пониманием отнеслись к временным ограничениям. Как говорится, если уж сам помазанник Божий хворь американскую подхватил, то что про остальных говорить-то?

А царь тогда был очень плох. Лишь молитва благословенной императрицы Марии спасла царя-батюшку.

Маршина подобные истории слышала на улице нередко. И хотя она сама, ясное дело, очень скептически относилась ко всякого рода сплетням и рассказам толпы, но и она в прошлом октябре внимательно следила за новостями из Кремля, тайком (от себя!) шепча молитвы за выздоровление государя. Смена императора не сулила ничего хорошего. Перемен и так предостаточно.

А еще она по-женски завидовала императрице, тому, как та бросилась через всю империю спасать мужа. Про это нужно романы писать, каждая страница которых будет пропитана слезами тысяч читателей. И хотя сестра рассказывала об этой истории довольно скупое, ссылаясь на то, что сама она оставалась с цесаревичем и царевной на острове Христа, было ясно, что большая часть того, о чем судачит высший свет, правда. Это не побасенки Охотного Ряда.

Но как же хочется нормального праздника!

— Надеюсь, что до тезоименитства цесаревича «американка» отступит, и весь этот тоскливый ужас навсегда покинет Первопрестольную.

— Надеюсь, любовь моя. До двенадцатого сентября все-таки еще четыре месяца. Но, напомню, благодаря, так сказать, этому тоскливому ужасу меня пока не посылают в Америку, и мы можем быть вместе. Вот где, кстати, ужас, так это там. Впрочем, в Мексике, как говорят, все еще хуже. Так что давай радоваться тому, что у нас строгий карантин и никаких революций.

Елена Николаевна мило улыбнулась и кивнула в адрес очередной встреченной парочке знакомых. Что поделатъ, Арбат есть Арбат, шагу не ступить, чтобы не встретить кого-то более-менее знакомого. Тем более если ты выросла на этой улице и на ней стоит твой дом. Приличный дом. В который принято наносить визиты.

Маршин автоматически раскланивался с теми, кому кивала его дорогая Леночка. Знал он далеко не всех, но если супруга кивает, значит, и ему нельзя быть неучтивым. Это старая Москва, город, полный патриархальных традиций и неспешности. Впрочем, эта неспешность была скорее некой демонстрацией принадлежности к определенному кругу, для которого по-прежнему необязательно куда-то спешить, что в нынешней Москве позволить себе мог далеко не каждый. Слишком уж все ускорилося, слишком уж бурно развивалась Первопрестольная и вся Россия, чтобы можно было соблюдать расслабленную степенность не на публику.

Спешили все. Спешили чиновники и военные. Суетились приказчики и торговцы. Убыстряли шаг даже милые барышни, спеша по своим женским делам. Что уж говорить о таких ревнителях старины и степенности, коими испокон веков были московские купцы всяких гильдий! Куда делась эта их показная неспешность? Современный московский купец больше не сидит за самоваром, он одет в деловой костюм, он едет на автомобиле, он...

Словно в доказательство рядом с ними притормозил сверкающий и роскошный лимузин «Руссо-Балт» С-100/120, из него вышел купец первой гильдии господин Филиппов, который, отстранив шофера, собственноручно открыл другую дверцу и подал жене руку. Та, элегантно опершись на ладонь супруга, вышла на свет, благоухая духами, самыми модными в этом сезоне.

Александр Тимофеевич остановился, придержав за локоть юную жену. Филиппов тем временем, взяв свою супругу под руку, подошел к ним:

– Господин Маршин! Гляжу, вы ли это?! Дорогая, позволь тебе представить моего хорошего знакомого – инженер-подполковник Маршин из Министерства внешней торговли. Благодаря его связям и усилиям мне удалось и в США дорожку протоптать, и сюда американских вкладчиков привлечь. В общем, рекомендую!

Офицер склонил голову.

– Александр Тимофеевич Маршин, честь имею, сударыня.

Купец, в свою очередь, представил жену:

– Полковник ИВВС баронесса Любовь Александровна Галанчикова-Филиппова.

Поскольку баронесса была не в военной форме, а в обычном, пусть и очень модном, женском платье, то козырять Маршин не стал, ограничившись кивком. Полагающиеся по прежним временам всякого рода галантности в виде целований руки остались в прошлом. Сейчас, в дни пандемии, даже рукопожатия не приветствовались, не говоря уже об обниманиях и целованиях. Штрафы были довольно внушительными, а инспектора Императорской службы спасения славились своим полным наплевательством на положение, чины и титулы. Более того, имена знатных и известных нарушителей немедленно попадали в прессу, что создавало приличным людям куда больше проблем, чем банальный штраф. А уж про повторное попадание в лапы инспекторов ИСС и речи не могло идти, поскольку уже были случаи, когда графы получали приговор суда и прилюдно мели метлами улицы с утра до вечера. Так что желающих устраивать фронт на улицах быстро стало меньше.

– Баронесса, это честь для меня. Много слышан о ваших подвигах.

Та улыбнулась.

– Я сейчас в законном царском отпуске. – Галанчикова погладила себя по явному животу. – Мой подвиг сейчас здесь.

– Сударь, сударыня, разрешите мне представить вам мою супругу – Елена Николаевна Маршина, в девичестве Иволгина.

Филиппов галантно склонился, обозначив свое почтение. Галанчикова же с интересом посмотрела на нее.

Купец, извинившись, тут же отвел Маршина в сторону и стал что-то оживленно ему говорить о каких-то договорах, поставках, сроках и прочем, что было так близко его купеческому сердцу. Праздник праздником, а дела есть дела. И куда подевалась приснопамятная степенность и неторопливость в Москве?

Предоставленные на несколько минут сами себе дамы не спеша пошли вдоль Арбата. Первой заговорила Галанчикова.

– Простите, сударыня, вы младшая дочь генерала Николая Иволгина?

Елена кивнула.

– Да, сударыня, это мой отец.

Авиатресса улыбнулась.

– Много наслышана о нем. А еще я имею честь быть лично знакомой с вашей блистательной старшей сестрой княгиней Натальей Емец-Арвадской, а вы с ней очень похожи внешне.

– Вот как? Да уж, тесен мир. Я о вас также много слышала. Вы – командир женского бомбардировочного полка лейб-гвардии.

Баронесса засмеялась и положила ладонь себе на животик.

– Нет-нет, я пока не у дел. Пока я в царском отпуске, полком командует подполковник княгиня Долгорукова. – Галанчикова неожиданно подмигнула и добавила лукаво. – Правда, я не знаю, как долго она будет командовать полком, учитывая то, что Софочка собирается замуж за светлейшего князя Петра Волконского. После войны уход в царский отпуск становится модным среди женщин-военных, не находите?

Лена улыбнулась.

– И не только военных. Война окончена. Хочется жить и любить, не боясь больше ничего.

– Ваша сестра тоже ушла в царский отпуск?

Маршина охотно подтвердила:

– Да, она сейчас в своем имении на острове Авлония. Тоже отошла от дел, так сказать.

– Понимаю.

Тут Елену осенило:

– Погодите, так это же вы в прошлом октябре застряли на башне инженера Шухова! Вас всех еще потом дирижаблями спасали!

Любовь Александровна засмеялась.

– Да, было такое дело.

Лена покачала головой, проговорив:

– Это какой же ужас! Я бы, наверное, не смогла так. Страху бы натерпелась!

Галанчикова покачала головой, посерьезнев.

– Нет, Елена, вы бы выдержали. Вы – дочь генерала и внучка генерала. Вы не кисейная барышня. Я вижу, есть и в вас тот же стальной стержень, который есть и в вашем отце, и в вашей сестре Наталье. Вас ждет большое будущее, уж поверьте моему опыту.

Помолчав, она добавила, глядя в сторону активно жестикулирующего купца Филиппова.

– А знаете, Елена, я благодарна тому происшествию на башне. Это событие круто изменило мою жизнь. К лучшему.

Заметив, как собеседница вновь непроизвольно погладила живот, Лена спросила вдруг:

– Вы счастливы?

Баронесса удивленно посмотрела на нее, а затем, прислушавшись к своим внутренним ощущениям, кивнула:

– Да, я счастлива.

РУМЫНИЯ. ЗАМОК ПЕЛЕШ. КОРОЛЕВСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ. 5 мая 1919 года

– Итак, что вы мне привезли, генерал?

Тон короля Румынии был холоден, и он даже не пытался скрывать свое раздражение. Генерал Дитерихс стоял перед монархом с непроницаемым лицом, хотя в душе его скреблись кошки брезгливости. Господи, как же жалко бедную Ольгу Николаевну! Политика, будь она трижды проклята!

– Да простит меня, ваше величество, но я привез вам аналитический доклад квартирмейстерского управления Объединенного штаба Союзных сил на Балканах о состоянии румынской армии.

Король II нервно дернул щекой.

– Лучше бы вы мне пушек привезли, генерал! Какой мне прок от ваших аналитических докладов?! Моя армия в прекрасном состоянии! Нам нужно лишь больше пушек, пулеметов, броневикулов и аэропланов!

Генерал-квартирмейстер ОШ ССБ терпеливо, словно разговаривая с нерадивым гимназистом, которого в силу каких-то особых причин нельзя сейчас прилюдно выпороть розгами перед всем классом и поставить голыми коленями в углу на горюх, объяснил:

– Да простит мне ваше величество мои дерзновенные речи, но смею полагать, что браваурные отчеты, которыми вас снабжает ваш генеральный штаб, слишком приукрашены. Боепособность румынской армии в этих отчетах слишком завышена, а между тем, положение армии довольно скверное, промышленность Румынии просто не в состоянии обеспечить потребности вашей армии.

Король вспыхнул:

– А для чего нам тогда союзники и Новоримский Союз, если мы не можем получить все необходимое от них и, в частности, от России? Я не требую воевать вместе с нами, раз уж вы цепляетесь за букву договора, но игнорируете его дух, хотя эта ситуация нетерпима сама по себе. Однако я в праве требовать военно-технической помощи! Пушки, броневики и все прочее, дайте это нам, и мы сокрушим Венгрию!

– Прошу простить, ваше величество, а имеет ли ваше королевство достаточное количество подготовленных расчетов для всех этих орудий и броневикулов, которые вы желаете получить?

Румынский монарх хмуро заметил:

– Практика использования переодетых в местную форму русских и итальянских расчетов, равно как британских, немецких, французских или американских, вполне распространена. Если такую помощь могут получить османы или ирландцы, то почему на них не может рассчитывать Румыния, раз уж мы такие близкие союзники?

Генерал Дитерихс возразил:

– Ни в одном из этих случаев, ваше величество, переодетые в местную форму войска союзников не поступали под начало местных генералов, которые просто не умеют ни командовать ими, ни взаимодействовать с ними на поле боя. Если вашему величеству угодно непременно начать войну с Венгрией, опираясь при этом на помощь союзников по Малой Антанте, то начало операции необходимо отложить на более поздний срок. По-хорошему, в Румынию должны прибыть опытные военные советники, которые по мере прибытия запрашиваемой вами артиллерии, бронетехники и авиации будут учить ваших генералов взаимодействию с этими родами войск, координировать их действия, а также параллельно проводить переобучение вашего офицерского, сержантского состава, экипажей и технического персонала...

– Сколько это займет времени?

– Два-три месяца как минимум. А если по-хорошему, то и полгода-год. Чудес не бывает, ваше величество.

– Это невозможно, генерал! Решительно невозможно! Венгрия сейчас охвачена хаосом, пытаюсь удержать Хорватию, Словению, Хорутанию и Трансильванию! Их войска растянуты

по всей стране и крайне ненадежны! Через три месяца ситуация может решительно измениться не в нашу пользу! Сейчас нужен один мощный удар, и все в Венгрии посыплется! Как вы этого не желаете понять?! Зачем мы предоставляли вам военные базы на нашей территории, если вы отказываетесь нам помогать в нашем святом деле освобождения румын Трансильвании от угнетения и обеспечения их воссоединения со своим Отечеством?! Зачем мы тогда вообще вступали в этот ваш чертов Новоримский Союз??!

Генерал-квартирмейстер сухо заметил:

– Ваше величество, смею заметить, что договор о Малой Антанте призван обеспечить солидарную защиту всех членов и совместное выступление в случае внешнего нападения на территорию одной из стран-участниц. Но договор не обязывает державы Малой Антанты вступать в войну из-за легкомысленных авантюр отдельных членов союза. Если, к примеру, Россия объявит войну какой-нибудь Швеции, то это будет наша война и наши проблемы, а вот если Швеция нападет на Россию, тогда союзники должны будут исполнить свой союзнический долг. Повторюсь, ваше величество, румынские войска в настоящее время не готовы к широким операциям. Дайте время укрепить вашу армию...

Монарх не дал ему договорить:

– То есть пушек вы нам не дадите?

Дитерихс кивнул:

– Дадим. Вместе с нашими расчетами в вашей форме. И под командованием офицеров Объединенного штаба Союзных Сил на Балканах. С соответствующей координацией действий.

Кароль II нервно ходил по своему кабинету. Наконец он чертыхнулся:

– Это черт знает что такое, генерал! Вы фактически требуете от меня передать командование моей армией вам!

Прибывший позволил себе пожать плечами.

– Не вижу тут чего-то предосудительного и вопиющего. Во время Великой войны союзные армии Антанты координировались из единых штабов, и ваша королевская армия четко взаимодействовала с русской армией и ее главнокомандованием. На начальном этапе войны Румынский фронт из-за отсутствия координации с русским командованием был весьма неустойчив, но в итоге мы победили, объединив усилия.

Оба прекрасно поняли подтекст. Когда царственный отец нынешнего монарха и его генералы изображали из себя стратегов, едва начав войну румынская армия была почти сразу же разгромлена Австро-Венгрией, большая часть страны была оккупирована, включая столицу Бухарест, а сама армия, точнее ее остатки, была вынуждена спешно отступить в Россию и фактически передавать командование русским генералам и офицерам. Сам же августейший главнокомандующий Румынским фронтом, как и его сын, провели весь остаток войны в Москве на всякого рода увеселительных «совещаниях», пока русские генералы и советники предпринимали меры по спасению Румынии.

Дитерихс также вспомнил многочисленные доклады и воспоминания советников о том, что, в принципе, румынский солдат был вполне себе неплох, достаточно стоек и даже нередко храбр, но вот вся командная вертикаль, начиная от сержантов и заканчивая генералами, решительно никуда не годилась, проявляя просто-таки анекдотические чудеса некомпетентности и чванства. И Михаил Константинович обоснованно сомневался, что ситуация как-то улучшилась с тех пор.

Во всяком случае, на регулярных совместных учениях румынская армия вечно попадала в комические истории, которые еще долго пересказывались в штабах и казармах всех держав НРС, а на постоянно действующие союзные курсы повышения квалификации командного состава из Бухареста присылали в основном таких офицеров, которые рассматривали эти курсы лишь как возможность мир посмотреть, себя показать да устроить гульбу в очередной стране. Причем чем дальше место учений и курсов было от столиц и крупных городов, тем

меньше румынских офицеров туда приезжало. Обучать же сержантский состав в заграничных командировках румынское командование даже не предполагало, резонно рассудив, что нечего холопов баловать, мол, рылом не вышли.

Поэтому единственной возможностью хоть как-то привести в чувство румынскую армию была организация обучения и слаживания войск, частей и подразделений прямо на месте. Впрочем, Дитерихс прекрасно понимал, что за пару-тройку месяцев из г... хм, грязи пулю не сделать, а из румынского войска не сделать боеспособную армию, но там, где конец лета, там и осень, где осень – там и зима уже, придется откладывать наступление на весну... Либо обстановка изменится так, что коалиция государств «за все хорошее и против всего плохого» принудит Венгрию признать независимость бунтующих территорий, либо «принуждение к миру» будет проведено уже в следующем году коллективными усилиями. Но первый вариант был предпочтительнее. Государь и генерал граф Гурко всеми силами старались избежать новой войны на Балканах. Поэтому он, Михаил Константинович Дитерихс, летал сейчас по всем штабам региона, встречался с главнокомандующими и с самими монархами, пытаясь предотвратить войну, грозящую не только развалом Новоримского Союза, но и новой большой войной в Европе. Войной с самыми непредсказуемыми последствиями для всех.

В ход шло все – анализ состояния армий, мощностей производств и возможностей грузоперевозок, данные разведки, доклады о подготовке местностей и о наличии топографических карт, состояние фортификаций и укреплений, запасы боеприпасов на складах, наличие и строительство мостов и дорог разного типа, выводы из прошедших учений и штабных игр, а также многое другое, включая уговоры, лесть и даже угрозы.

И Румыния была одним из самых слабых мест в этой игре, поскольку недалекий монарх слышал только то, что хотел слышать, то есть слушал только восторженные верноподданические шапкозакидательские басни своих жирных генералов, благодаря которым Румыния и была разгромлена четыре года назад.

Ничегошеньки не изменилось, ничему они не научились и никаких выводов делать не желали. Более того, официально объявив о героической и блистательной победе румынского оружия (ну, по итогу Румынию же как-то освободили, пусть и при помощи русских, но это несущественная мелочь, которой можно для пропаганды и пренебречь), генералы и сами поверили в свою победоносную доблесть. И ничего не собирались менять.

В общем, если бы не важное стратегическое положение, то Румынию было проще отпустить, чем спасать и содержать. Но, как говорится, приходится играть теми картами, которые розданы.

– К тому же, ваше величество, если позволено мне будет заметить, ситуация с пандемией «американки» пока далека от благополучного завершения. Массовый всплеск заболеваний и смертей февраля и весны этого года еще только начинает идти на спад. Вы знаете о том, какие суровые меры предпринимаются в России и Ромее на сей счет, а, прошу простить, смерть вашего августейшего отца и чудом не случившаяся смерть моего императора Михаила заставляют нас отнестись к этому бедствию со всей серьезностью. Командование Русского экспедиционного корпуса в Румынии отдало приказ подразделениям корпуса выдвинуться из городов дислокации в летние лагеря, дабы максимально сократить возможность контакта между войсками и местным населением. Выдвижение румынских войск к границе и боевые действия в условиях скученности непременно создадут благодатную почву для резкой вспышки «американки» среди солдат.

Кароль II, все так же нервно ходивший по кабинету, буркнул:

– В Венгрии и среди ее солдат пандемия бушует точно так, как и у нас. Эпидемии и антисанитария были неизбежными спутниками всех войн на протяжении многих тысячелетий человеческой истории. И что же прикажете делать? Перестать воевать? Нет-нет, генерал, это не причина менять планы. Так вы дадите нам пушки и все остальное?!

Видя, что аргументы здравого смысла не проходят, квартирмейстер вновь перешел к финансам и практическим возможностям:

– Ваше величество! О возможности и порядке получения всего вам необходимого вместе с обученными экипажами и расчетами я уже говорил ранее.

Монарх поморщился и покачал головой.

– Нет, это не совсем хороший вариант. Это долго, да и... – Кароль запнулся и, обдумав ситуацию, решительно отрезал: – Это невозможно. Румынскими войсками могут командовать только румынские офицеры и генералы. Мы не отказываемся от советников и специалистов, но командовать у себя будем сами.

Дитерихс внутренне усмехнулся. Видимо, крепко держат генералы своего короля за его августейшую задницу. Или за что другое. За горло, например.

Монарх повторил вопрос:

– Так Россия даст нам пушки?

Русский генерал понимающе кивнул:

– Что ж, ваше величество, мне понятны ваши затруднения. И если вашим генералам нужны пушки и прочая машинерия без обученных экипажей и техников, то, если угодно вашему величеству, Россия готова продать по остаточной цене вооружение и технику из числа резервов Армии Единства, боеприпасы, ремкомплекты к ним и все, что необходимо для их обслуживания.

Монарх напрягся:

– Продать???

Генерал утвердительно кивнул головой.

– По остаточной стоимости. Как близким союзникам.

Заметив финансовую тоску во взгляде хозяина кабинета, гость благосклонно добавил:

– Конечно, я думаю, что вопрос с кредитом будет решен в кратчайшие сроки на весьма льготных условиях. У наших стран есть взаимные интересы в качестве обеспечения этих кредитов. Мы же не чужие люди, в конце концов?

Кароль II несколько растерялся, сбитый с толку резким поворотом в переговорах.

«Да он мальчишка еще, – вдруг отметил про себя опытный стратег Армии Единства генерал-квартирмейстер Объединенного штаба Союзных Сил на Балканах. – Им же вертят как хотят!»

Дождавшись царственного кивка, Дитерихс подвел итоги:

– Как видите, Новоримский Союз, и Россия в частности, выполняют свои союзнические обязательства в полной мере.

Новый кивок, все такой же озадаченный. Генерал распахнул блокнот и изготавился записывать:

– О каких цифрах идет речь, ваше величество? Где и у кого я могу получить данные о количестве свободных подготовленных экипажей броневиков и самолетов, артиллерийских расчетов для запрашиваемых видов пушек и гаубиц, пулеметных и минометных расчетов, а также техников к этой машинерии?

Кароль II несколько секунд молча массировал пальцы левой руки, затем произнес неопределенно:

– Эмм... я полагаю, что в Генштабе знают. У ваших коллег по квартирмейстерской части можно спросить.

«Ох, воитель-воитель. Верховный ты главнокомандующий».

Вслух же Михаил Константинович склонил голову и почтительно произнес:

– Как прикажет ваше королевское величество. От имени моего государя Михаила Александровича еще раз приветствую ваше величество. Россия всегда была, есть и будет вернейшим

союзником и сердечным другом царствующего Дома Гогенцоллерн-Зигмарингенов и всего славного Румынского королевства. Дозволите считать аудиенцию оконченной?

Тот кивнул:

– Дозволю.

Отдав честь, русский направился к выходу. Кароль II тяжелым взглядом буравил закрывшуюся за ним дверь.

Черт возьми, за что ему это все? Будь оно все трижды проклято! Корона эта...

РУМЫНИЯ. ЗАМОК ПЕЛЕШ. КОРОЛЕВСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ. 5 мая 1919 года

– Ваш чай, ваше величество.

Ольга Николаевна кивнула фрейлине и отпустила ее. За что ей это все? Будь оно все трижды проклято! Корона эта... Будь проклята вся эта жизнь, замок этот и это королевство. Знала бы она, как все будет, то...

Впрочем, знала. И отношения Мама и Папа не были такими уж безоблачными, как демонстрировалось на публике, а уж примеры из высшего света и других монархических семейств ясно показывали, что счастливые браки в их кругу – редкость. А если брак и считается счастливым, то значит, в этой семье хорошо прячут грязное белье и умеют сор из дворца не выносить.

Интересно, счастливы ли дядя Миша со своей итальянкой? Кто знает! Внешне они просто идеальная пара, счастливая во всех отношениях. А как прошлой осенью итальянка рванулась в Москву! И ведь Ольга все время была рядом с ней, она, честно говоря, завидовала той выдержке, устремленности и решительности, которые Мария показала в те непростые дни, той буквальной одержимости своим мужем, той готовности идти по головам и убивать за него. Убивать, только бы он жил.

Многие списывали это на желание бывшей итальянской принцессы удержать власть и обеспечить корону своему сыну, если вдруг что случится с императором, но Ольга видела, сколько долгих дней провела императрица Мария в кресле у стекла, за которым умирал ее муж, сколько слез выплакала, сколько горячих молитв произнесла. А сколько всего она не видела! Ведь наверняка молодая царица сдерживала себя на людях! И это при том, что ей все время приходилось проводить встречи, совещания, давать аудиенции, принимать решения от имени императора.

Смогла бы сама Ольга так? Кто знает. Возможно. Если бы у нее был такой муж. Если бы был...

Господи! Как же отчаянно она итальянке завидовала! И как ужасен был ее собственный брак... Боже-Боже, за что ей это все?

Пламя и треск. Несмотря на май, в замке было холодно, и по этому случаю в камине трещали поленья. Но не было от них уюта. Только тоска. Что ей теперь делать? Что??!

Она бросила тоскливый взгляд на стол. На письма, которые привезла баронесса Мостовская, и на расшифровки, которые Ольга делала собственноручно. Каждую неделю из Константинополя прибывал фельдъегерь и привозил помимо писем новые коды шифрования, часть системы, составлявшей одну из самых больших тайн Империи.

Но в этот раз в качестве фельдъегеря прибыла сама мать старшего сына императора Единства. И едва Ольга узнала о прибытии баронессы, ее сердце ёкнуло – что-то случилось. Или должно случиться.

Вот-вот. Было много корреспонденции. Но было и Письмо. Главное. Ради которого Мостовская прибыла из Константинополя.

Письмо императрицы Марии, которое королева Румынии только что расшифровала, было коротким: «Грядут большие потрясения. Твоя жизнь в опасности. Под любым предлогом выезжай в Единство. Скажись больной или будь с мужем на открытии дороги в Черноводэ. О.А. вывезет тебя в Россию. Твоя М.»

Ольга и сама чувствовала, что что-то происходит. И, возможно, действительно пора «выехать на воды». И она бы так и сделала, если бы не одно «но».

Почему письмо привезла Мостовская? Нельзя было никому доверять? Возможно. Но разве всем известная баронесса не привлекла внимание к своему визиту в замок Пелеш? Или это от нее и требовалось?

Боже, как ужасно это все. Как ужасно ждать подлости и предательства во всем, в каждом слове, в каждом взгляде, в каждом вздохе...

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. МРАМОРНОЕ МОРЕ. ОСТРОВ ХРИСТА. 5 мая 1919 года

– И что думаешь?

Тесть жует шашлык, но весьма пытливо смотрит на меня. Черногорский дед, откинувшись, сидит молча, расслабленно глядя куда-то в сторону, но он явно с нами. Борис отошел поухаживать за беременной женой.

Маша, как истинная мать и хозяйка, надзирает за нянечками и гувернантками, а заодно следит, чтобы все гости были сыты и накормлены. Женщины, что говорить. Даже если у них под властью гигантская Империя, они все равно беспокоятся о том, что подумают гости, родители и соседи, как оценят то, какая ты хозяйка. Парадокс? Нет тут никакого парадокса. Мы просто все человеки, вне зависимости от положения, титула и прочей короны на голове.

Корона не спадет, вы говорите? Скажите об этом своей жене. Узнаете много нового. В том числе и о себе, стоит вам сказать, что это все не имеет никакого значения. Во всяком случае, моя жена не слишком была рада, когда наша обслуга делала промахи даже в мелочах. Мне было все равно. Ей – нет. Она – хозяйка дома. Даже боюсь представить, в какой порядок она привела бы Большую Россию, если бы ей действительно пришлось править.

Итальянцы. Ну какой может быть порядок? Так могут сказать скептики. И ошибутся. Ланцелот или не Ланцелот – было бы желание убить Дракона.

Однажды Муссолини прибыл на Сицилию. В моей истории, разумеется. И его встречал местный глава мафии, которая, кстати сказать, весьма щедро поучаствовала в приходе дуче к власти. Так вот, с Муссолини прибыла охрана и прочая служба безопасности, на что местный крестный отец прилюдно воскликнул что-то типа: «Зачем вам охрана??? Без моей команды, дорогой дуче, с вас тут ни один волос не упадет!!!» Нужно ли говорить, что дуче обиделся? И что приказал своему генералу зачистить всю Сицилию от мафии, невзирая на букву закона? И что перестреляли всех подряд? И что при дуче по прибытии поездов на железнодорожных станциях по всей Италии сверяли часы? И это при том, что до этого опоздание на полтора часа, даже на очень короткой дистанции, было обычным явлением? Всего-то лишь нужно было навести элементарный порядок. И расстрелять особо непонятливых. Совсем немножко, но демонстративно. И все поверили, что больше шуток не будет. Все наладилось даже в буйные времена дуче. Даже в Италии.

Нет, я не сторонник расстрелов. Я сторонник эффективной управленческой модели. Для меня нет родни и друзей среди казнокрадов. Висельники Болотной площади мне свидетели в том, что родню я вешаю наравне с прочими.

Нет, я не ангел и не праведник. Не все казнокрады при мне сидят, или тем более едут в Сибирь, или прогуливаются к ближайшей расстрельной стенке. Тот же барон Меллер-Закомельский все еще мой министр Двора, да и на многие ключевые фигуры в составе Госдумы

и Госсовета у меня есть толстенный и обширнейший компромат. Но это лишь средство без особых проблем провести ключевые для меня законы, сохраняя при этом модель внешнего представительского народовластия.

Но я не набиваю себе карманы казенными деньгами. Не граблю Империю сам и никому не дам ее грабить. Пока у нас Закон – это я. Пока у нас Императорская корона венчает столб ЗАКОНА на куполе Дома Империи, а отнюдь не крышу Государственной Думы.

Возможно, лет через двадцать в России и созреет вся независимая законодательная и судебная вертикаль, но в неокрепшем социальном обществе это лишь лозунги и пустые бредни. Опасные бредни, которые пытаются разыграть наши конкуренты.

Но и я тут не останусь в стороне. У меня тоже есть суффражистки в рукаве. И не только они. Много кто у меня есть, я не вчера сюда прибыл...

– Так что скажешь?

Глотаю кусок мяса, который тщательно жевал не менее двух минут. Аппетит аппетитом, но отвечать надо, тем более что за простым деревянным столом собрались три неглупых человека. Мягко говоря.

Пожимаю плечами.

– Шахматы. Румынский этюд. Фигуры расставлены. Партия начинается.

Виктор усмехнулся.

– Вот мне всегда импонировало твое умение утопить в банальностях сложные ответы. Но за этим столом нет твоих подданных, нет избирателей, нет даже твоих солдат, которым ты любишь рассказывать, как ты сам это называешь, «о чести, долге и нашей исторической миссии». Так что будь добр, оставь эти возвышенные речи для публики. Я понимаю, что Румыния – пешка в большой игре. Британцы ставят на растяжку нас, мы – их, немцы участвуют в наших играх, янки – тоже. Это все понятно. Но, насколько я понимаю, ты еще не контролируешь ситуацию в этой стране. Пока его корона зависит не от тебя, не так ли?

– Нет, конечно. Однако, если ситуация начнет выходить из-под контроля, то устроить переворот в Румынии – совсем не штука. Но у нас нет наследника. Это же прекрасно понимают и наши противники. А значит, времени у нас может и не быть, поскольку они постараются не дать нам либо обрести своего наследника, либо, что скорее всего, разыграют партию до того момента, как наследник может появиться, а это ближайшие два-три месяца. Конечно, мы работаем над этим, но... – Делаю неопределенный жест рукой.

Черногорский дед по-стариковски закричал и буркнул:

– Пьете тут всякую дрянь...

– Ракии не хватает?

Тот усмехнулся.

– А у меня есть кое-что, я привез с собой.

И действительно, из каких-то потаенных «закромов Родины» он тут же извлек запечатанную сургучом бутылку домашнего пойла.

– Михаил, Виктор.

Никола I разлил нам по стопкам некую фирменную ракию с таким видом, словно он делился с нами тем самым божественным нектаром, который, вне всякого сомнения, по большому благу поставляют ему контрабандой прямо из райских садов. Впрочем, я бы не удивился и такому повороту.

– Живели!

Мы киваем и опрокидываем домашнюю ракию. Перепеченица обжигает горло. 60 градусов, вы говорите? Ну-ну. Градусов 70 как минимум!

Я, конечно, закаленный в алкогольных баталиях чувак, но мой римский тесть отреагировал довольно бурно – закашлявшись, покраснев и выпучив все, что только можно было выпучить. И не только на лице. Даже усы встали дыбом.

Черногорский тесть и дед снисходительно поглядел на зятя и отсалютовал мне, поскольку я перепеченицу принял более достойно (подумаешь, я и чистый спирт на фронте пивал многократно, что уж тут-то рефлексировать). Мой тесть кашлял, а его тесть, в свою очередь, добродушно хлопал римского зятя-Императора по спине. Да, это тебе не неаполитанское сухое красное. Тут понимать нужно!

– У нас в одной горной деревне жил крестьянин.

С интересом смотрю на деда моей Маши. Если уж он открыл рот, то не просто так. Он же тем временем продолжал:

– Так вот, жил, никого не трогал, имел виноградник и вполне был доволен жизнью. Жена вот только его пилила. По делу и без дела. Как она его только не проклинала, как она его только не ругала. Но терпел мужик, философ, видимо, был по жизни. Однако, что ни день, только вот он рюмочку перепеченицы нальет себе, а тут и жена со словами. Ну, слово за слово, вы понимаете. И так день за днем. Но терпел. А тут случилось у него горе – нашел он в горах сундук с золотом. А это же горы, деревушка маленькая, всё у всех на виду, и не смог он утаить горе свое. Узнали добрые люди, решили ему помочь. Пришли ночью и говорят, мол, или ты нам отдаешь сундук золота, или мы твою жену уьем.

Никола вновь разлил по рюмкам перепеченицу и первым опрокинул. Мы последовали его примеру, тем более что во второй раз этот жесткий вариант ракии пился легче. Для меня во всяком случае. Правда, мой итальянский тесть едва отдышался после второй порции. Отдышался и переспросил:

– И что дальше?

Черногорец философски пожал плечами.

– А что? Жил он долго и счастливо.

Виктор несколько секунд осмысливал, а затем уточнил:

– А его жена?

Никола недоуменно поднял брови.

– Какая жена?

И тут я заржал.

РУМЫНИЯ. ВОЕННАЯ БАЗА СОЮЗНЫХ СИЛ НА БАЛКАНАХ «РЫМНИКУ-ВЫЛЧА». 5 мая 1919 года

– Чего расселись, бездельники!!! По машинам!!!

С шутками-прибаутками батальон Русского экспедиционного корпуса в Румынии принялся занимать свои места в грузовиках. Десятки грузовиков, которые довезут батальон ССО до мест выгрузки. Десятки отрядов, которые начнут выдвижение на исходные позиции. Операция начинается...

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. ВЕРХНЕУДИНСК. 5 мая 1919 года

– Что ж, Роман Федорович, вот и пришла пора прощаться.

– Да, Николай Николаевич. Нам в Ургу, к Богдо-хану, вам же дальше, в Маньчжурию. Едем мы в места разные, но дело делаем одно – служим Отчизне нашей и государю нашему. Верю, свидимся.

Они обнялись. Генерал Иволгин проводил гостя из штабного броневана. Генерал барон фон Унгерн-Штернберг приложил ладонь к фуражке, а затем махнул рукой своим. Большой конный отряд покидал станцию, уходя в бескрайние степи Внешней Монголии.

– По вагонам!!!

Лязгая металлом, двинулись в сторону Читы бронедрезины и шесть бронепоездов 1-го ударного железнодорожного полка особого назначения с соответствующим числом эшелонов пехотного и кавалерийского усиления. Их ждала КВЖД. Их ждала Маньчжурия.

**ИЗ СООБЩЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО АГЕНТСТВА PROPPER NEWS.
5 мая 1919 года**

Продолжаются столкновения в Египте. Британская колониальная администрация пока не в состоянии взять ситуацию под контроль. На улицах городов идут настоящие бои. Лондон перебрасывает в Египет дополнительные силы, в том числе и канадские части, которые по первоначальному плану должны были быть выгружены в портах Ирландии.

Из других новостей дня обращает на себя внимание официальное признание Россией независимости Афганистана. Все аналитики сходятся во мнении, что этот недружественный демарш официальной Ливадии будет весьма болезненно воспринят в Лондоне и что России с союзниками следует ожидать жесткой ответной реакции с берегов Туманного Альбиона.

**ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ.
РОМАНОВ-НА-МУРМАНЕ. ЛИНКОР «МООНЗУНД». 5 мая 1919 года**

Город таял в серой дымке. Начало нового похода. Эскадра Северного флота Единства покидала порт приписки.

Адмирал Колчак поднял воротник. Май месяц, вы говорите? Снег так и срывается. Да, тут не Черное море и не Босфор. Но Север – это его стихия. Успеть бы только у Шпицбергена соединиться с русско-германской эскадрой до подхода англичан...

Глава II

Любовь и слезы Христа

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. МРАМОРНОЕ МОРЕ. ОСТРОВ ХРИСТА. 6 мая 1919 года

– Утро красит нежным светом склоны острова Христа...

Я напевал про себя, лишь едва шевеля губами. Маша спит, безмятежно и сладко. Спи, моя девочка. Спи, родная. Любимая моя. Ты и дети – это самое дорогое, что у меня есть в этой жизни. В обеих жизнях.

Впрочем, то будущее, что я оставил в бывшем своем 2015 году, с каждым днем все дальше от меня, несмотря на то что физически к нему я с каждым годом все ближе. Но нет, верю, что «того прекрасного будущего» здесь уже никогда не будет. Я не допущу такой жизни. Пусть останутся лишь призрачные воспоминания в моей памяти. Воспоминания, которые становятся с каждым днем все более размытыми и уплывающими в туман дрожащего марева...

Жалею ли я о своем сгнувшем будущем? Вот откровенно, если кто спросит напрямую, как на духу? Смотря в чем и о чем. Да, мир через век был комфортнее в части быта и прочих жизненных удобств. Я рассуждаю в целом, с точки зрения «в среднем температура по больнице», хотя лично мне на мой быт здесь жаловаться грех. Лично мне тут не хватает только ноутбука. Ну и всемирной сети. Надоело писать от руки или диктовать, а машинки печатные тут еще те!

Конечно, техника всякая, телевизоры, пылесосы и прочие «умные дома» делали жизнь лучше, удобнее и комфортнее. Но разве это все делает человека счастливым? Дайте членам семьи по ноутбуку и по отдельной комнате, и они чаще всего будут видаться лишь случайно, столкнувшись на кухне возле чайника или холодильника.

Мой покойный отец часто сетовал на то, что, мол, все сейчас сидят возле телевизора, а во времена его юности все гуляли, были праздники, в парках было не протолкнуться, а сами парки были почти на каждом углу. Да, это обычное старческое ворчание про то, что «раньше небо было голубее, деревья выше, а трава зеленее». Это все понятно. Но раньше без телевизоров и социальных сетей действительно было все иначе, и я тому авторитетный очевидец и свидетель.

Знаете, в первые месяцы своего царствования я нередко гулял инкогнито по Москве в образе потертого жизнью капитана Артемьева. Конечно, забредать в самые дебри и трущобы глава моей службы безопасности генерал Климович мне не давал, но в целом я видел всякую жизнь. В том числе и нищих видел, и алкашей-пропойц, да и прочий темный элемент. И грязь видел, и срам.

Однако в основной, в том числе и рабочей, массе мои нынешние современники оказались людьми, заряженными на общение с другими людьми значительно больше. Нет, не в социальных сетях, а лично, принимая гостей и нанося визиты, устраивая шумные вечеринки и посиделки, гуляя парочками и веселыми компаниями в парках, прохаживаясь по бульварам, где раздаются голоса и смех, где играют толпами дети, где звучит медь оркестров, где мило улыбаются идущие навстречу барышни...

Нет, чего-то все же мы там, в моем утерянном будущем, лишились. Чего-то неуловимого, живого, искреннего, берущего за душу...

Маша пошевелилась во сне, и на ее губах появилась улыбка. Счастливая улыбка. Ее уста дрогнули, зашевелились в каком-то одной ей лишь известном разговоре. Что она шепчет – не понять. Но ей там хорошо и радостно. Спи, милая.

Я вновь провалился в полудрему, лишь мысли хаотично то появлялись, то исчезали. Позади была очень сладкая ночь. Впереди меня ждет очень трудный день. Очень трудные дни. Много перелетов, много смотров, много совещаний.

Империю пора окинуть хозяйским взором, как рачительный хозяин осматривает свои владения или свой дом. Полгода государственная машина работала без моего личного присутствия, пока я тут лечился и реабилитировался после «американки». Конечно, я получал регулярные доклады отовсюду, но разве заменит бюрократический отчет мой суровый и придирчивый взгляд? Подданные должны видеть своего царя. Может, к моему приезду хоть забор местные власти какой-никакой да покрасят. И то польза для города. Шутка. Пора, пора встряхнуть это державное болото!

Но мой отъезд означал расставание с Машей и с детьми. Минимум на месяц, а то и на два. Так что мы старались по ночам не терять времени даром. Да и не только по ночам. И не только в спальне. Благо нет у нас проблем ни с тем, где уединиться, ни вопросом, с кем детей оставить. Правда, потом гости понаехали, и нам пришлось уделять им внимание, но тут ничего не попишешь, родня все-таки. Тесть, теща опять же (как без нее!), моя сестра, сестра жены, царь Болгарский. Тоже теперь, некоторым образом, родственник...

Мне вдруг жуть как захотелось курить. Вот прямо невольно. Давно не курю, а тут здравствуйте вам через окно. Но с чего бы я должен отказывать себе в такой вот мелкой прихоти?

Осторожно снимаю со своей груди руку Маши и, стараясь не потревожить ее сон, выскальзываю на балкон, не парясь с одеванием. Да и зачем? Уже жарко, а особняк построен так, что царские хоромы и балконы ниоткуда не увидеть. В целях безопасности, разумеется. Получить пулю снайпера я не хочу нигде. На острове Христа – в особенности.

Разыскав в шкафчике трубку и прочее, тихо сажусь в шезлонг и набиваю чашу табаком. Еще минута, и воздух наполняется клубами ароматного дыма. Расслабленно смотрю в светлеющее безоблачное небо, вяло следя за сизыми волнами, плывущими вверх. Ни ветерка. Хорошее утро намечается. И хороший в трубке табак.

Посидев немного, встаю к перилам, чтобы смотреть на восходящее над морем солнце. Тишина и умиротворение. Спит Остров, да и не видно с моего балкона ничего. Безопасность же. Потому только я, море и появившийся из-за горизонта краешек дневного светила. Да еще четыре императорские яхты в бухте. Моя «Полярная звезда», Машина «Царевна», «Regia Nave Savoia» моего итальянского тестя и яхта «Стрела» родной моей сестры Ольги, на которой были Мафальда с Борисом. Нет, и у царя Болгарии была своя яхта, но она сейчас в Эгейском море, в городе Борисполь, он же бывший османский Дедеагач, а гнать ее из Средиземки смысла никакого не было. Так что Ольга их подбросила на Остров прямо из Константинополя.

Конечно, риск занести на Остров заразу был, но мы береглись как могли. Даже затребовали, чтобы все желающие погостить прошли двухнедельную изоляцию от внешнего мира. Впрочем, уговаривать долго не пришлось, все всё понимали, благо моя прошлогодняя болезнь убедила (если не напугала) очень многих, да так, что большинство монархов и влиятельных лиц предпочитали устроить себе постоянную самоизоляцию, уехав в свои имения в горы, в леса или на такого рода острова типа нашего. Правда, мне не известен ни один остров отдыха монархов, который охранялся бы линкорскими орудиями главного калибра и мог выдержать тактический ядерный удар.

Я попыхтел трубкой. Что-то никак не проснусь толком. Все время мысли прыгают с темы на тему. Прыгают? Нет-нет, мои мысли скользят, плавно перетекая с одного предмета на другие.

Попробовать, что ли, пробраться на кухню и сварить кофе? Нет, опасно. Машу могу разбудить. Пусть спит. Когда мы еще увидимся, зачем мне ей сладкий сон тревожить? А судя по ее лицу, сон действительно... вкусный.

Полюбовавшись лицом жены, видимой мне в проем открытых настежь дверей балкона, я вновь затянулся дымом.

Да, такие вот у нас дела. Вообще «американка» минувшей зимой устроила в Европе настоящий террор, не обойдя и высший свет континента. Много умерло и умирает до сих пор. Монархи держатся, хотя и болеют некоторые. Вот только Фердинанд Румынский помереть высочайше изволил, Царствие ему Небесное. Тот еще был... король. Ну, или никак, как говорится. О покойном-то.

Впрочем, сыночек его Кароль тоже еще тот король. Да, поговорка «как корабль назовёшь» не всегда работает. Монарх из него никакой. Слабый, порывистый, увлекающийся. Ох, натерпелась с ним моя племяншка Оля. И еще натерпится. Но мы пока можем только внимательно наблюдать, мягко подталкивать или удерживать. И ждать, внедряя людей отсюда, вербовать или покупать на месте, заинтересовывать представителей элит переметнуться в стан «русской партии».

Остается ждать. Хотя бы до августа. А там все возможно. Если, конечно, Оля родит наследника румынского престола, иначе придется искать другие варианты. Или снова ждать. Год, два, три...

Ники вот от своей Аликс дождался наследника лишь на пятом ребенке, через, считай, десять лет. Не возникнет ли такая проблема с Олей? Ведь есть же наследственность, предрасположенность и все такое. И хорошо, если не ошиблись те яйцеголовые умники в ушедшем будущем, которые утверждали, что гены гемофилии передались только двум дочерям Николая – Марии и Анастасии. И хорошо, если меня самого память не подвела в этом вопросе. Иначе – беда. Будут с Румынией у нас проблемы. Как и с Сербией. А это опасно.

Да, не всем везет обрести наследника сразу. Это очень серьезный аргумент для авторитета власти и стабильности в стране...

И тут к моей голой спине нежно прижались две обнаженные выпуклости.

Улыбаюсь блаженно и приветствую негромко:

– Доброе утро, любовь моя.

Смешок. Воркующий голос.

– О чем задумался, любимый?

– Думаю о том, как мне повезло с тобой.

Вновь смешок, уже более счастливый.

– Правда?

Серьезно киваю.

– Да.

Нежные руки скользнули вперед, и вот уже мое Солнце греет меня собой в полный свой рост.

Оборачиваюсь, пытаюсь игриво схватить в охапку.

– Ой! Аййй!!! Ты что делаешь?!!

Маша взвизгнула и вырвалась из объятий, потирая ушибленное место. На голом боку уже видно было наливающееся краснотой пятно.

– Больно же!!!

Она чуть не плакала.

Я растерян и виновато смотрю то на нее, то на трубку у себя в руках. Блин! Как я про трубку-то забыл! Растаял от ласк, осел старый!

– Прости, солнце, я не хотел...

Жена пыталась заглянуть себе за спину, желая увидеть пострадавшее место, но у нее не получалось так изогнуться. Крутясь, она бурчала хмуро:

– Трубкой своей... Утро доброе... Это же надо было додуматься! Крови нет хоть? Приноси зеркало!

Вернувшись на балкон с зеркалом, я заверил:

– Нет-нет, там просто синяк будет.

Маша поглядела в отражение и всплеснула руками:

– Ну вот! Мне только синяка не хватало! Что люди скажут? Будет теперь весь высший свет шептаться, что меня муж бьет!!!

Женщины! Пусть даже и императрицы.

Удивленно возражаю:

– А кто же это тебя увидит голой?

Императрица посмотрела на меня как на идиота.

– Здравствуйте вам! А фрейлины? А одеться-переодеться? Пусть не голой, но как не прячась, бок неизбежно кто-то увидит! Пойдут толки, пересуды, да и визжала я от боли на пол-острова! Наверняка кто-то слышал. Даст Бог, не поймут, откуда был этот вопль, но если еще и синяк...

М-да, неудобно получилось. Желая хоть как-то смягчить ситуацию, шучу:

– Хорошо хоть горячий табак не вывалился на кожу, а то бы сказали, что я...

Но, перехватив становящийся опасным взгляд жены, тут же затыкаюсь и спешно сдаю назад:

– Любовь моя, прости дурака, несу всякую чушь.

С этими словами вышвыриваю трубку с балкона. Где-то внизу послышался чей-то вскрик.

Вздыхаю:

– Нет, сегодня точно не мой день. Прости.

Маша сокрушенно покачала головой.

– Нет, ты точно не в себе. То крики, то трубка... А если пожар? А если покалечил кого?

– Трубкой трудно покалечить.

Ироничное:

– Да? Правда??!

Плюс ехидное:

– А если кто-то решил посмотреть, кто же там вопит сверху, в царских покоях?

Да, сегодня точно не мой день. Но очень насыщенный и ответственный.

Видимо, уловив своей женской интуицией что-то в моей душе, она смягчилась.

– Ладно, теряем время на всякие глупости, а тебе скоро уезжать. Вот только не знаю, как нам быть с моей саднящей спиной?

Последнюю фразу она произнесла с ноткой игривости.

– Поверь, любимая, мы что-нибудь придумаем.

Подхватываю ее на руки и несу в спальню. Жена ощутимо напряглась, ожидая новых неприятностей от неудачника дня, но Бог был милостив, и цель была благополучно достигнута. И основная цель – тоже.

В общем, все окончилось благополучно. Глаз трубкой я, к счастью, никому не выбил, все живы, пожара тоже не случилось. Ну, разве что пожар пылал в нашей постели, но дикарскому методу добывания открытого огня трением мы так и не научились. К счастью. А то с моим сегодняшним везением запылал бы весь особняк...

РУМЫНИЯ. ЗАМОК ПЕЛЕШ. КОРОЛЕВСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ. 6 мая 1919 года

Ольга массировала виски. Какой тяжелый вчера был день. День тревог и неопределенности. Мостовская отбыла назад в Константинополь, увозя ее формальный ответ, полный пустых

обтекаемых фраз и слов благодарности. Слов, которые лишь подтвердят ее растерянность и растущее отчаяние.

Константинополь. Как и многие века назад, этот город вновь стал центром европейской политики. По крайней мере почти вся политика на Балканах делалась сейчас именно там. Лондон слишком занят внутренними вопросами, Орлеану сейчас вообще не до балканских дел, а тот же Берлин, с утратой влияния на Болгарию и бывшую Османскую империю, лишь начинал заново выстраивать отношения, пытаясь восстановить прежние связи и возобновить интерес к Германии групп влияния в разных странах региона.

Нет, первую скрипку тут сейчас играла Россия, которой та же Италия, не колеблясь, передала роль главного куратора Балкан и Малой Азии. Это и понятно. Невзирая на промышленный и финансовый потенциал, Италия не имела ни такой армии, ни, главное, такого количества населения, чтобы претендовать на изменение всех раскладов на землях бывшей Османской империи. Свои бы новые земли заселить. К тому же и в Новоримском Союзе Россия была основной силой, что означало для остальных необходимость согласовывать свою политику с линией, которую нынче принято именовать «официальной Ливадией».

Перебравшийся на юг после болезни император Михаил больше никуда не выезжал дальше Константинополя, проводя большую часть времени на Острове и демонстративно удалившись от активных дел. Но активность русских на Балканах росла с каждым днем. Дипломаты, военные, купцы всякие. Что вызывало рост раздражения в различных кругах балканских стран и рождало напряжение внутри Новоримского Союза.

Конечно, из Москвы и Константинополя очень внимательно следили за происходящим. Да и в Риме не дремали. В ход шло все, включая «удачно подвернувшиеся» браки – ее, Тани, да и Мафи вышла за болгарского царя. Говорит, что счастлива, но поди знай, как оно там на самом деле. Таня в письмах тоже полна оптимизма, мол, любит ее Саша без ума, Сербия ей очень нравится и все такое. Но не может она никак забеременеть, а это не улучшает ситуацию ни в царственном семействе, ни вокруг него.

Впрочем, она вот забеременела, и что? Ее стали любить? Боже-Боже, за что ей такое наказание... Слезы навернулись на глаза.

Тут дверь в спальню открылась, и на пороге возник «любимый муж» в халате. Действительно, стучать в спальню к жене – это же полный моветон, не так ли?

Кароль молча прошел через комнату и некоторое время стоял неподвижно, глядя куда-то на горы за окном.

Наконец он произнес:

– Доброе утро, дорогая.

Ольга, не пытайся выбраться из постели, хмуро кивнула.

– Доброе, дорогой.

Кароль повернулся к ней и указал на два кресла вокруг кофейного столика.

– Дорогая, я попрошу тебя накинуть халат и велеть подать нам кофе. Я хочу поговорить с тобой.

Королева демонстративно изогнула бровь, затем, облачившись в халат, величественно села в кресло. Позвонив в колокольчик, она отдала необходимые распоряжения.

Горячий кофе подали. Ее взгляд был вопросителен и холоден.

– Да, дорогой?

Царственный муж сделал глоток, явно оттягивая момент объяснения. Наконец, он решился:

– Дорогая Ольга, смею полагать, что тебе лучше будет вернуться в Константинополь.

Оля иронично глядела на супруга.

– А что так, дорогой Кароль? Вы нашли себе очередную пассию?

Тот удивленно поднял на нее взгляд.

– Пассию? Причем тут какие-то пассии? Здесь вопрос жизни и смерти.

Все еще сохраняя холодную улыбку на лице, она уточнила тоном, полным ледяного презрения:

– Вот как? Меня здесь удавят шнуром от штор или отравят мышьяком? Или подушкой придавят?

Кароль вскочил и нервно заходил по комнате.

– Ольга, ты не понимаешь, ты не понимаешь происходящего, ты не представляешь, что творится в столице, в штабах, в армии. Моя власть шатка, как никогда. Мне пока удастся удерживать корону на голове, но лишь лавируя между различиями интересов групп влияния в Бухаресте и всячески обнадеживая относительно перспектив присоединения Трансильвании и создания Великой Румынии. Мне пока это удастся, но я чувствую, как власть уходит сквозь пальцы, как песок на склонах этих гор.

Ситуация ухудшается с каждым днем, а мне почти не на кого опереться. Одни ждут того дня, когда ты родишь наследника, и тогда меня принудят к отречению, передав регентство моему брату Николае. Нашего сына объявят королем. Марионеткой в их руках. А тебя наверняка изгонят из страны. Если не сотворят чего похуже. Другие не хотят ждать, не желая стащить все на дело случая, и жаждут объявить королем Николае. Меня лишат короны, а может, и жизни. Тебя ждет изгнание. Третьи же просто боятся увеличения влияния России здесь и требуют твоей высылки вместе со всей твоей свитой и теми, кто прибыл сюда в последнее время после нашей свадьбы. Четвертые опасаются вторжения России и войск Новоримского Союза, говорят, что если с тобой что-то случится, то русское вторжение станет неминуемым. Пятые считают, что хорошо бы, чтобы с тобой что-то случилось. Несчастный случай, так сказать. И тогда я буду у них в руках, поскольку все будет устроено так, что якобы это я устроил ради какой-нибудь любовницы, на которой собираюсь якобы жениться. Шестые...

Ольга слушала мужа с широко открытыми от ужаса глазами. Кароль, увидев ее состояние, подошел к супруге и, присев на корточки, взял ее ладонь в свои.

– Я спрятал тебя здесь, в горах. Я выставил надежную охрану, но какая может быть надежная охрана в этой ситуации?

Ошеломленная племянница Михаила Второго опустила взгляд на его руки и прошептала:

– Ты так давно этого не делал...

– Прости меня за все. Но я боюсь за тебя. Они могут тебя убить в любой момент. И меня тоже. Я не могу доверять ни одному человеку.

Он поцеловал ее в ладошку.

– Прости.

Ольга провела ладонью по его волосам:

– Какой же ты у меня глупый...

Кароль молча и грустно кивнул.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. 6 мая 1919 года

– Большое турне?

– Да, Оленька. Пора окинуть хозяйским взглядом наше Отечество.

Сестра хмуро покачала головой.

– Не торопишься ли ты? «Американка» еще лютует. Мало тебе было прошлогодних приключений?

– Более чем. Да, было их более чем достаточно. Но доклады с мест, откровенно говоря, меня смущают. Да и перед принятием «Большой программы» следует оглядеться. А что каса-

ется «американки», то, может, оно и к лучшему – не будут организовывать толпы верноподданных и прочие торжественные встречи.

– Ты в это веришь?

Криво усмехаюсь.

– Не особо. Показуха, конечно же, будет обязательно, но, надеюсь, весьма умеренная.

Мы помолчали.

– Что наша румынская королева?

Ольга покачала головой.

– Пока никаких известий от нее не было. Там все так плохо?

– Да, довольно нервно.

РУМЫНИЯ. ЗАМОК ПЕЛЕШ. КОРОЛЕВСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ. 6 мая 1919 года

– И что, мы ничего не можем сделать?

Ольга пытливо смотрела на мужа. Тот вздохнул:

– Я пытаюсь. В одном наши интересы совпадают: и мне, и тем, кто против меня, всем нам нужна Трансильвания. Победив, я получу авторитет среди подданных, смогу под шумок устроить ряд отставок и расставить своих людей. Я не могу провести никаких реформ, которые необходимы, пока в Румынии вся реальная власть у землевладельцев, банкиров, промышленников и генералов. У твоего дяди получилось, но он был популярен, а я, увы, отнюдь не тот человек, за которым сейчас пойдут толпы, а главное, элиты.

– А зачем этим элитам тебя менять, если ты ничего не можешь с ними сделать?

Кароль криво усмехнулся:

– Я не могу, но я хочу. И они это знают. Слишком со многими зря испортил отношения, слишком много болтал. Но я не думал, что отец так вдруг умрет. Не успел... А что касается Николае, то он рос тихим и послушным мальчиком. Таким он и вырос. Николае панически боится власти, но они его заставят.

– А ты не думал о том, что перед самой победой в Трансильвании с тобой что-то случится?

Тот кивнул:

– Думал. Но другого выхода я, признаться, не вижу. Мне нужна эта победа. Мне нужна Трансильвания. Однако у Венгрии сильная армия. Мои генералы мне дают бравурные отчеты о состоянии нашей армии и о полной деморализации венгерской. У них там, мол, уже гражданская война полыхает, так что мы пройдемся легкой прогулкой.

Он вновь заходил по кабинету.

– Вчера я давал аудиенцию генералу Дитерихсу. Мне был представлен аналитический доклад о состоянии румынской армии. Если пересказать его двумя словами, то все плохо, венгерская армия сильнее, и Румыния потерпит поражение в войне.

Остановившись у окна, кароль Румынии произнес ровным голосом:

– И вчера с докладом из Генерального штаба прибыл полковник Антонеску. Он доставил мне меморандум за подписью начальника Генштаба генерала Презана. Он от имени всех основных командующих фактически требует немедленного начала войны с Венгрией. Это практически ультиматум. Вот так, радость моя. Вот так.

Повисло напряженное молчание. Наконец Ольга спросила:

– Что я могу сделать для Румынии и... для тебя?

Муж грустно усмехнулся и покачал головой.

– Оленька, я знаю, что очень виноват перед тобой. Но я боялся, что заговорщикам станет известно, что ты мне не безразлична. И тебя убьют.

– Так почему же ты мне все не сказал?

– А как бы я сказал это?

– А вот так! Как сейчас!

Понимая, что сейчас она может сорваться и наговорить все, что накопилось, она медленно села в кресло и обхватила виски ладонями. Пару минут подождав, Кароль поставил на столик стакан воды.

– Прости меня. Я не знал, что мне делать...

Ольга выдохнула несколько раз и отпила пару глотков воды.

– Ладно, это мы потом обсудим. При случае.

Она послала мужу многообещающий взгляд, тот повинно склонил голову.

– Судя по тому, что ты вдруг решил мне все рассказать, и ты хочешь, чтобы я уехала в Константинополь, ты не просто пришел со мной попрощаться?

Кароль Румынии кивнул:

– У меня есть, конечно, дерзкий план, но для этого ты должна срочно выехать в Константинополь. Для твоей и нашего будущего сына безопасности. А еще я попрошу тебя передать твоему царственному дяде очень-очень секретное письмо. Обязательно из рук в руки.

Ольга ошарашенно кивнула и почему-то проговорила:

– Жаль, что вчера уехала баронесса Мостовская, она могла бы передать такое письмо лично императору.

Кароль пару секунд молчал, а затем засмеялся:

– А баронесса Мостовская никуда не уехала. У них там машина сломалась или что-то такое, так что ночь она провела в охотничьем домике. Я велел ее надежно охранять.

Ольга неожиданно для себя прыснула.

– Твоя работа?

Монарх спокойно кивнул.

– Конечно, дорогая. Но я приказал ее не отпускать не по причине того, что мне нужно передать письмо Михаилу. Это тоже возможно, я знаю, что у Михаила, Марии и Ольги баронесса Мостовская пользуется полным доверием. Но я хочу, чтобы Мостовская и ее люди поехали с тобой. Про письмо никому знать не нужно. Так что они официально лишь составят тебе компанию в дороге.

– А на самом деле?

– А на самом деле, любовь моя, она будет твоим щитом, если вдруг что-то произойдет.

– Что?!

Кароль Румынии мягко улыбнулся в ответ на ее возмущенный вскрик.

– Да, жизнь цинична. Но вряд ли многие горячие головы рискнут напасть на группу путешественников, среди которых есть племянница русского императора, а также мать его сына. Двойной, так сказать, оберег для тебя. У твоего дядюшки слишком страшная репутация. Тут оккупацией Румынии не обойдется. Головы полетят тысячами. Самые жирные головы.

Ольга с удивлением смотрела на мужа. Таким она не видела его никогда...

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. 6 мая 1919 года

Местоблюстительница Ромеи обеспокоенно спросила:

– А ты уверен, что можешь сейчас себе позволить уехать из Константинополя? Ташкент! Владивосток! А если на Балканах полыхнет? А вдруг нужно будет принимать срочные решения?

Мягко улыбаясь и демонстративно вздыхая.

– Оленька, а когда у нас будет возможность? У нас все время то то, то сё. То война, то угроза войны с Британией, то... Впрочем, что я говорю?! Война с Британией в том или ином виде идет у нас уже два года! И вот сейчас нужно грамотно все разгрузить в Египте, в Афганистане, в Монголии, в Маньчжурии. Нам нужно ослабить Англию, растянув ее силы по всему миру, нам нужен договор о ненападении с Японией, нам нужно укрепить свои позиции в Сиаме. Я веду даже подготовку к государственному визиту в Токио, а для этого у нас должны быть сильные позиции на Дальнем Востоке, так, чтобы японцы трижды подумали, прежде чем начинать против нас какие-то действия. А ведь англичане их будут сильно подталкивать к этому. Да и американцы заинтересованы ограничить наше влияние в зоне Тихого океана, сама понимаешь, так что... – Демонстративно оптимистически хлопаю ладонями по кожаным подлокотникам кресла. – Так что все будет в порядке, остаешься за старшую, а вдруг что – я всегда на связи!

Но Ольга моего оптимизма не разделяла.

– Знаю я, как ты будешь на связи «вдруг что». Особенно за Уралом!

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. КАБИНЕТ ЕГО ВСЕВЕЛИЧИЯ. 7 мая 1919 года

Роскошная ночь над Босфором. Шикарный яркий полумесяц сиял в небе. Весело верещали какие-то насекомые, оптимистично ухала какая-то летающая живность. Лишь порхали черным тенями летучие мыши.

«Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом. Кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (Евразией и Африкой). Кто контролирует Мировой остров, тот командует миром».

Я подчеркивал красным карандашом интересные места в тексте опуса «Демократические идеалы и реальность». Что ж, мое появление в этом времени не слишком-то изменило суть событий и глубинные интересы мировых держав. И британский географ, профессор Оксфордского университета, член Тайного совета Великобритании сэр Хэлфорд Джон Маккиндер, успевший еще до моего появления в этой реальности издать свой эпохальный труд «Географическая ось истории», не оставлял своих попыток создать геополитику в том понимании, в котором она была в моем будущем.

Итак, все, как говорится, идет по писаному. Возможно, для аборигенов это и откровение, но не для меня, читавшего в своем будущем очень многое в части политологии и прочей геополитики. Посему, Хартленд – это недоступная для «цивилизованных держав» кладовая мира. Удаленная в глубины Азии, «великая природная крепость людей суши», самой природой отделенная от морских транспортных (и военных) путей и имеющая выход лишь к вечно скованному стужей Ледовитому океану. Кладовая мира, которая, по странному капризу судьбы, контролируется этими полудикими русскими, которые, к тому же, постоянно норовят расширить свою Московитскую Тартарию на все большие и большие территории.

Перелистнув несколько страниц, я кивнул сам себе. Да, все в том же духе. В общем, век за веком варварские народы Азии атакуют Европу. Гунны, варвары, монголы, тартары, турки, русские и прочие порождения Великой Дикой степи раз за разом вторгаются и хотят разрушить цивилизацию. Упадок Рима и прочих, безусловно, вина варваров с горящими жадностью глазами. Владычество Европы над миром уже не настолько однозначно. «Колумбова эпоха» превосходства морских держав подходит к концу. По мере развития сети магистральных железных дорог, которые составят конкуренцию флотам морских держав и могут привести к превосходству континентальных держав над морскими, геополитическая роль Хартленда будет только возрастать.

Единственное спасение – решительное вытеснение России в глубь континента, отрезание ее от выхода к незамерзающим морям и отделение от Европы поясом враждебных марионеточных стран, которые должны поясом окружить варварский русский Хартленд, отсекая его от влияния на мировую политику и удушая в «цивилизационных объятиях».

Но, переосмысливая катастрофические для «держав просвещенной европейской цивилизации» итоги Великой войны, профессор Маккиндер развивает выводы своей работы 1904 года.

Вместо того чтобы кануть в небытие хаоса и открыть путь ко всем своим богатствам главным мировым державам, Россия вдруг, совершенно неожиданно, не только устояла под натиском событий, но и сумела расширить свою власть, бросив тень своей варварской длани на важнейшие географические и стратегические регионы Восточной и Южной Европы, Малой Азии, Ближнего Востока, захватила черноморские проливы, распространила свое влияние на Италию и Балканы, пытается втянуть в свою орбиту Францию, договаривается с Германией, уже поглядывает в сторону Индии и Китая.

Вместо того чтобы по итогам войны создать цепь мелких государств-лимитрофов, не позволяющих России и Германии объединиться, в кошмарном результате появился Новоримский Союз, который мало того что продвинул свои границы далеко на запад, так еще и позволил России-Хартленду преодолеть естественную изоляцию, выйдя из диких земель прямо в Средиземное море. Выйдя и создав реальную угрозу Суэцкой артерии Британской империи.

В общем, все было схоже с тем, что я читал в своем будущем. Впрочем, отличия все же были. И если Хартленд традиционно почти совпадал с очертаниями России, то вот понятие Римленд претерпело существенные изменения. Вместо пояса прибрежных государств, опоясывающих Хартленд и противостоящих ему, как это представлял позднее американец Николас Спикмэн, в интерпретации профессора Маккинтера «Римленд» превратился в «Три Рима и их сателлитов», то есть, по факту, в Новоримский Союз. То бишь Хартленд вышел за пределы Хартленда.

Меры должны быть приняты. Самые решительные меры! Я зевнул. Пишут и пишут всякую ахинею. Взять все да и поделить!!!

Отпив из бокала, я поцокал языком. Неаполитанское «*Lacryma Christi*», «Слезы Христа». Отличное окончание дня. Впереди – ночь.

Тут что-то стукнулось о стекло. Что-то ворвалось в мой кабинет из тьмы Босфора и начало яростно биться о стены и потолок. От неожиданности я вскочил, опрокинув бокал и повалив лампу, заорал:

– Евстафий, тащи Пирата!!!

Но пока лишь черные крылья бились у меня над головой. Лишь багровые реки разливались по «Хартленду» в косых лучах лежащей на боку лампы. И большая багровая лужа на полу у меня под ногами. Сверкали в кровавой тьме, слово клыки дракона, острые осколки разбившейся бутылки. «*Lacryma Christi*». «Слезы Христа».

Свет упавшей лампы погас...

Глава III

Тень рассвета

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. КАБИНЕТ ЕГО ВСЕВЕЛИЧИЯ. 7 мая 1919 года

– Хороший. Хороший. Молодец. Все бы так работали – раз-два, и готово.

Черный кот урчал, словно тот «а гиц ин паровоз», распираемый удовольствием от почесывания за ушами и гордостью от пойманной и принесенной к ногам хозяина твари. Он принес к ногам хозяина тварь и тут же потерял к ней всякий интерес. В конце концов, он же не ради еды ее ловил! Тут же стал тереться о мою ногу, требуя похвалы и оценки.

– Молодец. Хороший. Умничка.

Кошак на моих руках просто млел, жмурясь и двигая шеей, подставляя под ласку те или иные части своей головы. Он и в самом деле поймал эту тварь. Зря, что ли, я его тут держу? Дворцовый кот, пусть и страшный, но разве в красоте дело? Некоторые тут советовали мне символом дворца завести красивого породистого кота, но я завел кота ужасного. Уши порваны. Шрам на морде (как глаза только не лишился???), но гибкий, матерый и жуткий. Почему мои животные в основном такие? Я ведь добрый и пушистый. Парадокс!

Усмехнувшись своим мыслям, обзираю разгром в кабинете. Про «раз-два» я, конечно, сильно преувеличил. Да уж, наворотил тут ночной гость дел, панически мечась из стороны в сторону, ударяясь о стены, люстры и все прочее, отчаянно пытаюсь ускользнуть от черной молнии, яростно прыгающей с самых разных сторон. В пользу кота был его опыт, но против были размеры помещения и высота потолков во дворце, что весьма и весьма затрудняло ему задачу.

Понятно, что-то упало, что-то перевернули, что-то разбили. Но, вопреки уговорам Евстафия, я не вышел из кабинета. Глупо, конечно. Царственная мордашка вполне могла и пострадать, а летучая мышь могла быть больна чем угодно, включая бешенство. Но вот уперся я. Упрямство – фамильная черта Романовых. Возможно, хотел реабилитироваться в собственных глазах за тот испуг, который невольно вызвало у меня внезапное явление черной твари, возможно, сыграло роль что-то другое, но я остался на поле битвы.

Нет, я не пытался составить конкуренцию коту, внося дополнительный хаос своими глупыми попытками опередить реакцией двух быстрых хищников. Я просто стоял посреди этого множасьего разгрома, среди брызг хаоса и вихрей битого стекла. Поле брани. Поле сечи. Рубилово.

К моему счастью, мышь ни разу не наткнулась на меня, а кот не использовал меня в качестве трамплина для очередного прыжка и не пытался на меня с ходу взобраться, словно на дерево. Вихри битвы огибали меня, как ураган, зло завывая, огибает одинокий утес. Я был зрителем. Наблюдателем. Свидетелем.

Я не так часто в последнее время бывал во Дворце Единства, а с момента поселения кота в дворцовом хозяйстве и того реже. Кошак меня и не видел толком. Не помню даже, гладил ли я его после того первого дня во дворце. Но кот принес летучую мышь мне под ноги.

Признал за хозяина? Или оценил, что я не сбежал и стал свидетелем его триумфа? Поди знай. Чужая душа – потемки. Особенно если это кошачья душа черного, как смоль, Пирата с порванным ухом и шрамом на морде.

Почесывая урчащему хищнику шею, говорю вполголоса:

– Знаешь, а быть может, мне этого и не хватало. Слишком я расслабился на Острове. Слишком все было хорошо и благостно.

Вспомнив негу прошедшего утра, я вздохнул. Минуло меньше суток, а словно было все это в какой-то другой жизни. Что ж, Миша, добро пожаловать обратно, в реальный и жестокий мир.

Хрустя битым стеклом, подхожу к своему рабочему месту. Лужи на столе и на полу никуда, понятное дело, не делись, а вино на книге уже впиталось в бумагу, превратив раскрытый том в набухшую, пропитанную красным массу. Страницы покорежились и потемнели.

Коту было все равно. Он урчал. Он был расслаблен, но в то же время был готов мгновенно прыгнуть, если вновь появится цель. Хищник. Дитя природы.

А разве Император не хищник? Лютики-цветочки, вы говорите? Рассветы и романтика? Да. Полный неги Остров, ошетилившийся во все стороны орудиями главного калибра. И крейсирующая в розовой рассветной дымке романтическая дивизия крейсеров Южного флота на горизонте. Огромная военная машина, словно пружина, готовая вдруг нанести удар на всю свою сжатую силу.

За окном ночь уже уступала свои права новому дню. Я смотрел на восход. Мрачный восход. Кровавый восход. В воздухе пахло грозой. В воздухе, со всей очевидностью, пахло войной. Вот-вот что-то произойдет. Я это чувствую, как чувствуют машины «Теслы» разлитое в воздухе электричество. Вся дуга вдоль наших границ напряжена. Пусть не до предела, но напряжение растет.

Я надеялся на то, что мне удалось исправить черновик истории и переписать ее начисто. Надеялся минимум лет на двадцать мирного развития. Надеялся на то, что сложившаяся конфигурация Новоримского Союза защитит империю от особых неожиданностей, а более-менее стабильные отношения с Германией и польский протекторат между нами обеспечат безопасность западных границ. Но что-то пошло не так. Что-то, ломающее мои планы. Восковые таблички Скрижалей истории вновь поплыли.

Чистовик. Который придется исправлять. Планы, которые придется менять. Как появление летучей мыши изменило мои планы на ночь и на это утро.

«Хартленд» полетел в мусорную корзину. Туда вам всем и дорога. На всякую хитрую мышшь найдется свой хитроматерый кот.

– Евстафий!

Дверь тут же открылась.

– Слушаю, государь!

Продолжая почесывать шею коту, киваю на разгром.

– Прибраться бы надо.

Мой камердинер склоняет голову.

– Все готово, ваше всевеличие. Бригада уборщиков и безопасники ожидают в приемной. Будут еще повеления, государь?

– Нет, Евстафий Никодимович. Разве что чаю пусть подадут в оранжерею. И коту что-нибудь вкусненькое.

Шеф моей личной тайной службы понимающе улыбается глазами, сохраняя при этом приличествующее случаю протокольное выражение на лице.

– Не извольте беспокоиться, государь. Кот останется доволен.

– Вот и славно, Евстафий Никодимович. Вот и славненько. А как тут разберетесь, тоже приходите. Чаю попьем.

Поклон.

– Это честь для меня, ваше всевеличие.

Мы с котом удаляемся со сцены. Нужно подготовиться к следующему акту.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. 7 мая 1919 года

– Ваше Всевеличие! Срочное донесение!

Принимаю из рук офицера связи бланк. Угу, вот мы и попили чаю. Вернее, попьем, но несколько позже.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. СИТУАЦИОННЫЙ ЦЕНТР. 7 мая 1919 года

В принципе, особой и острой необходимости присутствовать в Ситуационном центре у меня не было. Все важное мне доложили бы и так, но выражение «капитан на мостике» актуально не только на флоте. Причем чем острее обстановка, тем более спокойным должен быть капитан или, тем более, адмирал. Вот примерно как я сейчас, вошедший в святая святых с котом на руках.

Прошел не спеша, поглаживая котика за ухом и ловя на себе озадаченные, удивленные, а местами и восхищенные взгляды. Эх, господа, большинство из вас не видели моего коня, как и собаку Георгия не видели. Впрочем, сейчас даже я затрудняюсь ответить на вопрос, чья это собака, только Георгия, или они ее уже поделили с Мишкой? Во всяком случае Дик признал второго моего сына безо всяких вопросов.

Генерал Шапошников докладывал обстановку:

– Ваше Всевеличие! Только что пришло сообщение о том, что крупная банда, вторгшаяся с территории Османии, совершила большой набег на территорию Ромеи. Из первичных докладов следует, что полностью сожжена станица Святомихайловская на юго-востоке провинции Фригия. Сообщается о сотнях убитых среди местных жителей. Также имеются сведения о том, что большое количество женщин и детей угнано в плен. Судя по всему, их используют в качестве живого щита против ударов нашей авиации.

Я прикусил губу. Вот вам и доброе утро. И где была наша разведка? Где пограничные войска? Понятно, что там горы и местами черт ногу сломит, но все же! Я уж не говорю о казачках наших доблестных, ведь это территория Понтийского казачьего войска. Опять же, живой щит – это что-то новенькое в тактике бандформирований. Набеги случались регулярно, но такого еще не было. Видимо, кто-то сильно умный и абсолютно не помешанный на человеколюбии сделал выводы из нашей тактики воздушного преследования банд.

– На одиннадцать утра сбор Совета безопасности империи в расширенном составе. Пригласить Ольгу Александровну, Горшкова, Гурко и Слащева. До этого хочу видеть великого князя Павла Александровича. Головного атамана Понтийского казачьего войска ко мне. Где он сейчас?

Шапошников четко доложил:

– Головной атаман Понтийского казачьего войска генерал Назаров, насколько мне известно, прибыл в Константинополь вчера вечером.

– Хорошо. И дайте телеграмму графу Суворину. Я желаю его видеть незамедлительно.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. ОРАНЖЕРЕЯ. 7 мая 1919 года

Черный кот мирно спит на моих коленях. Нашел себе уютное местечко. Впрочем, он мне не слишком-то мешает в моей беседе за чаем. Хорошо ему. Все его враги наглядны и очевидны. Достаточно прыгнуть. Мне бы так.

– То есть в Городе ждут войны?

Евстафий кивает.

– Точно так, государь. За истекшую неделю эта тема была главной в салонных разговорах в Константинополе. И не только в нем. Даже в Москве и в Питере. Но в Ромее – больше всего. Допускаю, что сказывается близость к Балканам, ведь до Москвы война в этом регионе вряд ли дотянется, а вот в городе это все воспринимается иначе. Пусть прямые бои на подступах к Царьграду нам не грозят, все же нас прикрывает Болгария, но и Румыния – важное связующее звено в торговле, а также в поставках из России продовольствия, сырья и разного рода товаров. Опять же, сама Румыния является важным поставщиком сельскохозяйственных товаров в Ромею. Вдруг что – и цены значительно вырастут. Этого не могут не учитывать в приличных домах.

Кроме того, то же Румынское королевство является одним из ключей беспопытного торгового коридора из России в Ромею, не говоря уже о предстоящем открытии экстерриториальной магистральной железной дороги Царьград – Кишинев, которая проходит по их территории. Понятно, что транспортная блокада Ромее не грозит ни при каком раскладе, но деловые люди учитывают рост расходов на погрузку-выгрузку на торговые суда с учетом того, что в случае осложнений вряд ли ромейскому правительству удастся сохранить льготный тариф на грузоперевозки по магистрали Кишинев – Город. Черноморская же кольцевая магистраль через Кавказ еще не скоро вступит в строй на полную мощность, не говоря уже об окончании строительства ветки вдоль южного побережья Черного моря. Везти же грузы вокруг Малой Азии, как известно вашему всевеличию, значительно дороже, чем через Румынию.

Я задумчиво пил чай. Кот безбожно дрых, развалившись у меня на коленях.

В принципе, Евстафий не сообщил мне ничего нового. Румыния была важна для нас, причем куда важнее, чем могло показаться на первый взгляд. Балканы могли полыхнуть в любой момент, и тогда пострадает многое, но в первую очередь пострадает Город.

М-да. Как-то само собой остров Христа стал Островом, а Константинополь, или Царьград, стал просто Городом. Впрочем, он таковым и был на протяжении тысячелетий. Вызывает ли это ревность Москвы и Санкт-Петербурга? Однозначно. Как мне теперь балансировать между Россией и Ромеей? Удержал бы английский король Америку, перенеся свою столицу в Вашингтон? Удержал бы он при этом саму Британию? Поди знай.

Как долго я смогу изображать столицу в официальной Ливадии? Увы, тут не все зависит от воли императора. Столица в Ливадии, собственно, и не прижилась, оставаясь сугубо формальной декорацией. Все большее и большее значение приобретал именно Константинополь. Тому были и объективные причины, и сугубо субъективные. Начиная с того, что я большую часть времени проводил или на Острове, или в Городе.

Например, я долго лечился и реабилитировался от последствий «американки». Объективный фактор? Да. Но, как известно, вслед за императором перемещаются все основные министерства и службы, следствием чего становятся смены акцентов и прочих приоритетов.

Откровенно говоря, я понятия не имею, что было на сей счет в головах у Екатерины Великой и у прочих моих предков. Как они собирались поглотить Константинополь и Пропливы, не ввергнув империю в соперничество столиц, мне совершенно неизвестно. Надо будет у Ники спросить, что он там себе думал, ведь Город совершенно неизбежно затмит собой и Москву, и даже Санкт-Петербург. Ромея Обетованная – это ведь не только клише суворинской пропаганды, это и объективная реальность: сотни тысяч, а точнее, миллионы людей по всей России мечтали и мечтают о переселении в Ромею. В массовом сознании это уже превратилось в некий миф о стране Эльдорадо, где молочные реки с кисельными берегами, а золотом просто мостятся улицы.

Конечно, это не так. Но притяжение Константинополя просто поражало! Основные торговые пути, прекрасный климат, набор мифов и исторических отсылов, жирная выгода и все

остальное прочее – все это есть и никуда бы не делось при любом российском завоевании Пролитов.

Но у всех моих предков и предшественников это была сугубо идея фикс, желание, но не более того, мне же пришлось оценить на своей шкуре появление в империи такого города, как Константинополь. И всей Ромеи в придачу.

– Что еще говорят?

– Еще, государь, общей темой разговоров является подорожание недвижимости в Городе и в Ромее в целом. Спрос очень велик, особенно с учетом того, что часть Царьграда подпадает под снос ввиду реконструкции.

Да, мода изменилась. Не успела Москва стать столицей, как ветры приличия вновь изменились. Москва осталась где-то там, на северной периферии государства. Да, столица. Да, Первопрестольная. Да, основная часть империи. Парламент и все такое. Но что-то изменилось даже среди аристократии. Хорошим тоном стало иметь особняк в Городе, считалось приличным приобрести дачу где-то на южном берегу Ромеи, и вообще отдыхать не во Франции и в прочих Монте-Карло, а у себя дома, благо отчизна наша ныне имела обширнейшие выходы в прекрасные воды Средиземноморья.

Тем более что отдыхающим дома это самое дома было крайне выгодно. И по налогам, и по всему прочему. Налоги и прочие пошлины – вещи сами по себе весьма полезные. Я всегда полагал, что всякого рода запреты или поощрения лучше оформлять деньгами. Стабильными деньгами. Не говорильней.

Причем дело уже дошло до того, что в определенных кругах той же Москвы даже начало расти раздражение тем, что бизнес в России вести все труднее, новоявленный парламент вечно придумывает какие-то законы, которые мешают торговле и промышленности, а вот в Ромее, где царит чистое самодержавие, принципы ведения бизнеса становятся все проще и прозрачнее, действует судебная система, а закон один на всех.

Ромея Благословенная. Да, я создавал привлекательные условия в Ромее. Да, я ненавязчиво демонстрировал заинтересованной публике, что парламент, а уж тем более республика – это не всегда благо для бизнеса. И что стабильность в законах, незыблемость прав собственности, равная справедливость в суде и сильная власть – это всегда лучше для дела, чем парламентская чехарда и говорильня популистов. Но. Но. Есть несколько но. Очень много но.

Во-первых, единство Единства. Как ни крути, а образовывалось определенное психологическое разделение. Ромея становилась некой «более лучшей Россией», чем сама Россия. Это было опасно и чревато всякого рода нехорошими последствиями. Ромея стала более привлекательной во многих смыслах. Мог ли я сделать то же самое в России? И да, и нет.

Вопрос всегда в деньгах. А денег у меня мало. Да и нужно было выпустить либеральный пар в виде моды на всякую демократию. Хотели парламент – получите и насладитесь. Ники всегда страдал боязнью представительского народовластия, а ведь это прекрасная вещь, позволяющая перекладывать ответственность на народных представителей, имея при этом полную возможность контролировать в народном органе каждый чих.

Во-вторых, опять же, денег мало. И возможностей. Хотелки всегда отличаются от возможностей. Вы думаете, легко нам, царям? Вышел, мол, высочайше повелел, и всё? Все кинутся исполнять? Обывательские разговорчики, как говорил булгаковский Иван Васильевич. Отнюдь. Не побежали и не кинулись исполнять.

Молоко за вредность нам полагается? Да. Только вот кто же нам его даст? Разве что с мышьяком в комплекте.

Евстафий продолжает доклад о настроениях в высшем свете. О светской болтовне во время чаепитий. Это самые опасные разговоры в моей империи. Ни о чем и обо всем сразу.

Душно. Воротничок давит. Сильно так давит. Как известно, самодержавие на Руси ограничено удавкой. Или табакеркой. Петруша Третий не даст соврать. И Павлуша Первый. И прочие. Не так уж много моих предков умерло своей смертью, дожив до преклонных лет.

А сколько раз меня самого пытались свергнуть или убить по-всякому? А сколько покушений мои спецслужбы предотвратили? Значительно больше, чем не предотвратили. Но ту же бомбу мне под ноги в Риме я точно никогда не забуду. И уж точно никогда не забуду Кровавую Пасху в Москве. Погибшую царственную мать, Сандро и других близких мне людей.

Да, я поквитался с обидчиками. Акула Шифф ныне кормит нью-йоркских рыб, а царственный брат Джорджи пораскинул мозгами на лондонском перекрестке Стрэнда и Савой-стрит. И что? Пришел на его место сынок Эдик. Пусть пока молодой и глупый, но разве короли правят империями? Даже я правлю очень и очень относительно. Как там говорили в Средневековье? Король выше прочих дворян ровно на высоту своей шляпы?

Истинно так. Я выше всех тут ровно на высоту шляпы или на высоту послезнания. Всего лишь на высоту понимания того, что пропало не всё. Не всё. Надо лишь освободить запруду, снести ту плотину, которая остановила естественное течение реки.

Революция? В какой-то мере. Вся моя революционность опирается на подбор революционных кадров. Глупость считать, что до Февральской и Октябрьской революций все были ярыми противниками перемен. Даже среди заядлых монархистов было немало тех, кто видел тупик существующей державной концепции и тупик лично царя-батюшки Николая Кровавого. Равно как и среди тех, кто перебежал к большевикам, не было столько идейных. Они вовсе не были такими уж марксистами или радетелями о народе. Они были просто патриотами своего Отечества, нередко, к своему сожалению, считающими, что только большевики смогут восстановить ту империю, которая была утрачена «верноподданническими горлопанами», а также другими горлопанами, но уже «демократическими». Любили ли они Ленина? Очень сомнительно. Но именно Ленин со товарищи фактически восстановили очертания бывшей империи, в то время как всякого рода Колчаки с Деникиными все профукали, отдав Россию под пяту иноземных оккупантов. Даже Слащев вернулся после Гражданской. Даже Деникин прислал в СССР вагон медикаментов в сорок первом году, когда Германия напала на Советскую Россию. Даже Деникин!

Но Россия была беременна революцией, нравится это кому-то или нет. Была беременна Гражданской войной.

У меня не случилось Гражданской войны. У меня случилась революция. Революция сверху. И я ее государь.

– Что еще?

– Много разговоров о предстоящем визите афганского короля в Константинополь.

– Что говорят?

– Всякое. В основном прогнозируют войну. Но и тут нет единой точки зрения. Одни говорят о том, что все ограничится локальной стычкой в горах. Другие же прогнозируют чуть ли не победное шествие на столицу Индии. Третьи полагают, что Британия разгромит афганцев, как это уже случалось в подобных случаях. Но большинство однозначно уверены в том, что Великобритания сейчас не столь сильна, чтобы отмахнуться от опасности.

– Насколько силен голос английской партии?

– С некоторых пор, государь, даже кулуарный треп в пользу английской партии стал опасным, поэтому трудно судить. Если ориентироваться на намеки и красноречивые жесты, симпатии к Лондону все еще сильны, хотя и не настолько это модно, как было в прежние времена.

Несмотря на все напряжения последних лет, моя элита во многом была все еще проевропейской, а мои новые элиты все еще не могли так уж сильно диктовать моду. Да и что могли сделать несколько тысяч новых дворян среди двух миллионов «коллег», которые в большинстве своем были заточены под Англию и Францию?

Англичанка гадит? В свое время я весьма потешался над этим клише. Что-то из разряда «Вашингтонского обкома». Но, блин, я тут только и делаю, что разгребаюсь с англичанкой. Кровью разгребаюсь. Хартленд тоже не в Мозамбике придумали, а в Британии.

– Государь, ее высочество.

Евстафий указал взглядом на приближающуюся местоблюстительницу Ромеи. Я кивнул.

– Позже договорим. Распорядись насчет сервировки.

Камердинер встал, склонил голову и степенно отошел. Тут же нарисовалась обслуга, ненавязчиво сменившая приборы.

Я встал, приветствуя сестру.

– Здравствуй, Оленька.

– Здравствуй, Мишкин.

Мы расцеловались.

– Чаю? К чаю?

Ольга улыбнулась:

– Спасибо, Мишкин. На твое усмотрение.

Делаю знак Евстафию. Тот кивает, и по его команде происходит рокировка на столе. Что тут гадать про «на усмотрение», если все вкусы великой княгини тут известны давно и всем наперечет. Подали чай и вкусненькое.

Вновь беру на руки кота, который ошалело крутил головой, пытаясь понять с чего бы это его разбудили.

Сестра рассмеялась.

– О, я вижу, ты с котом поладил. Сколько народу во дворце он исцарапал и искусал при попытке его погладить, а, вижу, с тобой он подружился. Как тебе это удается, Мишкин?

Пожимаю плечами.

– Злобные твари меня любят. Слышала о ночном происшествии?

– О, да! Во дворце только об этом и шушукаются!

Хмыкаю.

– Ничего нельзя утаить от досужего внимания общественности. Но все же Пират молодец! Он чужую тварь выловил и изничтожил.

Чешу кота за ухом. Тот в ответ мурлыкнул и вновь погрузился в сладкую дрему. Ольга пару минут любовалась моими манипуляциями с котиком.

– Ты не боишься, что вновь пойдут разговоры про твою дружбу с нечистой силой?

– Ты имеешь в виду черного кота или вообще?

– Вообще и в частности.

Улыбаюсь.

– Ужасный конь, страшный пес, жуткий кот. Слухи всякие нехорошие, особенно после того римского идиота с бомбой. С другой стороны, лучше уж так, чем никак. Народ любит внятную силу, а не невнятную слабость.

– Как там говорил старик Макиавелли? «Государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности?»

– И это тоже. Как гласит та же пятнадцатая глава «Государя»: «Раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же воздерживаться по мере сил, но не более».

Я погладил кота и подытожил:

– Глава семнадцать. «Любят государей по собственному усмотрению, а боятся – по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого».

Ольга захлопала в ладоши.

– Браво. Старика Никколо ты помнишь наизусть. А вот как это к нашей ситуации относится?

– Прекрасно. Мы вновь на пороге войны.

– В Венгрии?

– Везде. Слышала о станице Святомихайловской?

Ольга кивнула.

– Конечно. Ты же по этому поводу собираешь Совбез?

– Да. Мы не можем оставить без ответа такой удар. И...

– Ваше всевеличие! Срочная депеша от Клары!

Кот хмуро приоткрыл один глаз и дернул хвостом. Впрочем, убедившись, что офицер связи не представляет ни угрозы, ни интереса, он вновь погрузился в свою дрему. Хорошо ему.

Принимаю от личного шифровальщика бланк. Особых подвохов я не жду, ведь будь там что-то действительно важное, то сообщение пришло бы закодированное моим личным шифром, а раз отправитель доверил процесс дешифровки третьему лицу, пусть и весьма допущенному в секреты, то это самое третье лицо мало что поймет из текста.

«МУЧАЕТ МИГРЕНЬ. ВОЗВРАЩАЮСЬ ОБРАТНО ДОМОЙ. КЛАРА».

Вот так вот.

Кивком отпускаю офицера связи. Сестра делает вид, что ее не интересует телеграмма. Ну, правильно. Если ее это касается, то я ей сообщу, а нет – так на нет и суда нет.

– Донесение от Мостовской.

Протягиваю Ольге бланк и с интересом смотрю на ее реакцию. Она скользнула ничего не выражающим взглядом по тексту и обратила свой взор на меня.

– Было бы странно, если бы текст, проходящий через офицеров связи, значил что-то явное и очевидное. Раз уж ты мне это показал, то потрудись истолковать сие.

Отпив чаю, перевожу с тарабарского на русский:

– Судя по всему, Мостовская везет сюда нашу румынскую королеву. И судя по мигрени, там какие-то серьезные проблемы, причем что-то такое, во что сама Мостовская не посвящена, иначе я бы получил персональную шифрограмму с более ясным содержанием. А пока как в том еврейском анекдоте про телеграмму: «Волнуйтесь, подробности письмом».

Местоблюстителница Ромеи еще раз посмотрела на бланк.

– А с чего тут видно, что наша с тобой племянница едет в Город?

– Все просто. Если бы Мостовская возвращалась в штатном порядке, то в телеграмме не было бы слова «обратно». Это оговоренный случай.

Ольга задумчиво пригубила чай.

– Знаешь, Мишкин, я до сих пор поражаюсь тому, как твоя Маша терпит эту твою Мостовскую. Я бы не смогла.

Усмехаюсь.

– Задушила бы подушкой?

– Нет. Просто удалила бы с глаз долой куда-то в Тмутаракань. На Камчатку или еще куда.

– Насколько я знаю, Маша хотела отправить ее поднимать авиацию в Желтороссии, но потом итальянская утонченная натура взяла верх.

– Тогда я твоей Мостовской не завидую.

– Я ей тоже не завидую. Как ты понимаешь, за Мостовской при Дворе следят десятки глаз, которые в случае чего немедленно донесут Императрице. Как сказала Маша, «держи друга близко, а врага еще ближе».

– А бывшую любовницу мужа держи на привязи?

– Типа того.

– Ладно, мы отвлеклись. Так что ты скажешь про мигрень?

– Не знаю, Оленька. Судя по докладам разведки и донесениям генерала Дитерихса, румынская армия находится в весьма плачевном состоянии и воевать не готова, однако при всем при этом вся верхушка во главе с доблестным Каролом рвется воевать за Трансильванию. Если мы им не поможем, то венгры их побьют почти гарантированно. У нас же пока нет понимания того, следует ли румынам помогать или же позволить им на первом этапе получить по носу, дабы убавить спесь и уменьшить дурость в их головах. Возможно, завтрашнее прибытие Оли внесет дополнительную ясность в этот вопрос, хотя, откровенно говоря, я в этом сильно сомневаюсь, поскольку у нее нет доступа к стратегической информации, да и особого влияния в Румынии она пока не имеет. Так что я пока не вижу причин пересматривать свой график. Встретишь племянницу сама и в случае чего дашь знать, на обратном пути могу заскочить в Город, если потребуется мое личное присутствие.

Тут в оранжерее вновь нарисовался давешний офицер связи, который, четко козырнув, протянул мне конверт.

– Ваше Всевеличие! Сообщение от радиопоста в Черноморске.

– Благодарю.

Разорвав конверт, извлекаю бланк шифрограммы.

– Что ж, котик, придется тебе дрыхнуть без папочки.

Перекалдываю кота на подушку плетеного кресла. Тот недовольно крутит головой, пытаясь понять, что происходит. Чешу его за ухом и обращаюсь к сестре:

– Пора нам на пост, Оленька. Скоро Совбез. Плюс дирижабль с королем Афганистана пролетел над Черноморском и держит курс на Город. Где-то через три часа пришвартуется в аэропорту. Да и московский борт уже приближается.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. 7 мая 1919 года

– Говорит «Радио Царьграда». Перед микрофоном Алексей Алексеев...

– ...И Ольга Бакланова. Сегодня у нас особый гость – его высокопревосходительство егермейстер Двора Его Всесвятейшества и Величия Государя Императора-Августа Михаила Александровича князь Емец-Арвадский. Добрый день, ваша светлость.

Анатолий кивнул:

– Добрый день, Ольга Владимировна, Алексей Григорьевич. Отдельно я приветствую всех, кто нас сейчас слушает, а также всех, кто посмотрит нашу передачу в кинотеатрах или прочитает стенограмму в газете.

Алексеев с деланным протестом засмеялся:

– Ваша светлость, вы совершеннейшим образом оставите нас с Ольгой Владимировной без работы. Это наша обязанность напомнить всем о том, что полную расшифровку нашей передачи можно прочитать в ближайшем выпуске «Голоса Царьграда». Там же можно будет увидеть отдельные фотографии с сегодняшней передачи. Полная же подборка наших фотографий, как всегда, ждет читателей «Иллюстрированного Царьграда».

Емец развел руками:

– Никоим образом, сударь, не могу покушаться на вашу коронную фразу, прошу простить за дерзость!

Бакланова, поняв, что обмен любезностями может надолго затянуться, поспешила перевести беседу в более предметное русло:

– Итак, ваша светлость, сегодня в жизни Константинополя знаменательный день – в городе наконец-то открывается Большой Императорский зоопарк, и к этому событию вы, как глава Экспедиции Службы Егермейстера Двора, имеете самое непосредственное отношение.

Гость скромно сделал словесный реверанс в пользу своей конторы:

– Лишь отчасти, Ольга Владимировна, лишь отчасти. Открытие зоопарка – это результат выдающейся работы очень многих людей. Служба, которую я имею честь возглавлять, действительно обеспечила экспозицию зоопарка некоторыми редкими животными и птицами, но на этом наше скромное участие и заканчивается.

Но ведущая не дала увильнуть:

– Вы слишком скромничаете, Анатолий Юрьевич! Разыскать, отловить и, главное, доставить в Константинополь эти прекрасные экземпляры животного мира, которые мы сегодня имели удовольствие лицезреть в зоопарке, это ведь огромная, прямо скажем, титаническая работа!

Смиренная скромность была ответом:

– Это заслуга егерей нашей службы, которые действительно являются непревзойденными мастерами своего дела. Доставка в зоопарк животных и птиц в добром здравии требует определенных навыков и усилий. Особенно когда речь идет о таких удаленных местах нашей планеты, как Африка, Индия, Китай или тот же Афганистан, дикие горы которого отнюдь не являются самыми гостеприимными местами на планете.

Опытная Бакланова тут же подхватила многообещающую тему:

– Ваша светлость, раз уж вы заговорили о своих прекрасных подчиненных, то, уверена, нашим слушателям и читателям будет интересно узнать, откуда в ЭСЕД берутся эти люди? Это же не просто так, наверняка! Нужен какой-то навык? Быть может, какой-то особый склад характера? Или это, в массе своей, ветераны Великой войны? Вы ведь сами полковник Сил специальных операций Императорской армии Единства, не так ли? Захват австро-венгерского бронепоезда силами нескольких человек – это одна из ваших легендарных операций наряду с покупкой мостов через реку Марица во время наступления наших и болгарских войск на Константинополь.

Емец постарался обойти скользкую тему:

– На войне каждый солдат – образец героя, но часто героизм лишь следствие безвыходного положения. К тому же, получив глупую пулю в сердце, я покинул службу, уйдя в запас по состоянию здоровья. Спасибо доктору Рихтеру, который, без преувеличения, вытащил меня с того света. Война, слава Богу, уже окончилась, так что теперь все мои мысли заняты сугубо мирными вещами – птичками и зверушками.

– И все же, какие люди составляют основу ЭСЕД?

Уверенный кивок. Камеры снимают. Можно, конечно, потом как-то вырезать лишнее, но идет прямой радиоэфир, а слово – не воробей. Как и интонация. Больше тумана и общих слов. Для того сюда и пришел. Как говорится, прячь лист в лесу, а труп – на поле боя. Одна из самых секретных контор империи – демонстративный балаган. Птички, бабочки, зайчики... Все подчеркнуто на виду. И он тоже.

– Да, Ольга Владимировна, это действительно замечательные профессионалы своего дела. Чтобы стать егерем ЭСЕД, нужно иметь опыт, навыки, умение мыслить широко и, конечно же, нужно иметь очень большое терпение. Как правило, мы набираем егерей из числа охотников, но вы же должны понимать, что одними охотниками дело не обходится, ведь работают целые экспедиции, которые состоят помимо непосредственно охотников из множества других специалистов, тех же погонщиков, экспедиторов, переводчиков, проводников и многих других людей.

Алексеев вновь вступил в разговор:

– Ваша светлость, но ведь помимо чисто, так сказать, обыденных трудностей диких мест наверняка приходится взаимодействовать с местными властями, купцами, чиновниками и прочими аборигенами. А есть ведь ситуации, которые явно не ограничены лишь отловом и транспортировкой какого-нибудь тигра или просто верблюда в Ромею и в Россию. Как решаются политические и прочие административные вопросы во время экспедиций в далекие колонии?

Емец кивнул:

– Да, это хороший вопрос, Алексей Григорьевич, благодарю вас. Действительно, у кого-то может сложиться превратное представление о том, как работает ЭСЭД. Мол, прибыли на место, разбили лагерь, поймали тигра, вернулись назад. Появлению экспедиции в том или ином районе предшествует обширная, кропотливая работа множества людей. Здесь и сотрудники дипломатических и торговых представительств Единства, согласовывающие прибытие поисковой партии, и наши экспедиторы, которые готовят маршруты и обеспечивают предстоящую работу, договариваются с местными властями, нанимают необходимый транспорт и персонал, в общем, многое из того, что требуется сделать, чтобы бенгальский тигр или египетский верблюд в итоге заняли свое место в одном из наших зоопарков.

Но опытный конферансье не лез за словом в карман:

– Но, ваша светлость, ситуация ведь постоянно меняется! Договорились об одном, а потом все пошло не так! Вот, к примеру, вы упомянули верблюда, а тот же Египет сейчас охвачен массовыми волнениями. Как в такой ситуации быть?

Главный ловчий императора вздохнул:

– Да, вы правы. Жизнь вносит коррективы в наши планы. Кто, например, мог заранее знать о том, что на Мальте убьют бывшего премьер-министра Египта?

Алексеев закивал.

– Вот-вот, ваша светлость, это прекрасный пример. Планируя свои экспедиции, вы же не могли знать о том, что на Мальте будут сейчас убиты Саад Заглул со своими единомышленниками?

Удивление на лице гостя.

– Конечно. Откуда бы я мог это знать?

Охотное согласие ведущего.

– Вот именно. А теперь весь Египет бурлит, на улицах идут настоящие бои... Как в таких условиях ловить верблюдов?

Емец сделал неопределенный жест и ответил со вздохом:

– Да, это делать действительно затруднительно. Но такое случается в нашей практике.

– Или вот, к примеру, провозглашение местным эмиром независимости Афганистана крайне негативно принято в Лондоне, и обстановка в регионе быстро накаляется. Я бы даже сказал, что все идет к войне между Афганистаном и Британской Индией. Да и в самой Индии беспорядки, переходящие в восстания.

– Насколько мне известно, независимость Афганистана признана Единством. Более того, насколько я осведомлен, король Афганистана сегодня прибывает в Город...

– Да, ваша светлость, это уже официально объявлено.

– Так вот, в данном случае определенно я могу сказать лишь то, что, к счастью, наши две экспедиции уже благополучно вернулись из тех мест. В условиях таких катаклизмов ловить зверей крайне сложно. Но мы стараемся оправдать высочайшее доверие государя. Уверяю вас, наши зверинцы без обитателей не останутся. – И главный ловчий императора уверенно кивнул в подтверждение своих слов. Слов, которых он на ветер никогда не бросал. Нигде.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. ЗАЛ СОВБЕЗА. 7 мая 1919 года

Совбез я собирал не так уж и часто. Скорее для повязывания ответственностью/кровью основных лиц, чем для какого-то продуктивного заседания. Но сегодня нужен был именно такой формат.

– Господа! Все вы в курсе происшествия в станице Святомихайловской. Погибли многие мои подданные, не говоря уже о том, что женщины и дети угнаны в качестве живого щита. Нет никаких сомнений, что после завершения, так сказать, похода этой банды все они будут обращены в рабство. Империя и император не могут оставить это преступление без ответа. Я требую найти и уничтожить всех участников набега, разрушить их дома и, самое главное, обеспечить спасение и возвращение в империю всех жителей станицы Святомихайловская. Генерал Гурко.

Наштаверх тут же поднялся.

– Ваше всевеличие!

– Насколько в сложившихся обстоятельствах мы готовы проводить наземную операцию в Османии?

– Это непростой вопрос, государь. Какую-то акцию устрашения мы в ближайшие недели провести можем, но нужно понимать, что война в горах – это война отнюдь не одного дня. Выйти из нее куда сложнее, чем войти. А большая часть наших войск занята отнюдь не в Малой Азии. Если потребуются ввод серьезных сил, то нам необходимо около двух недель подготовки. Разумеется, демонстративно мы можем начать ввод войск прямо сейчас, но, подчеркиваю, это будет сугубо демонстрация.

Прекрасно. Все это прекрасно. Вот только не годится сие. Я понимаю, что невозможно быть сильным везде. Понимаю, что никто не ожидал в Малой Азии такого подвоха. Но скажите на милость, как мне реагировать на резню моих подданных? Я могу что угодно говорить, но есть вещи, которые, что называется, вопиют к небу. Никто не поймет, если я оставлю это без ответа.

– Главком ИВВС.

Генерал Горшков поднялся.

– Слушаю, ваше всевеличие!

– Обеспечить готовность к бомбардировке ключевых узлов Османии и ее провинции Карамания. Бомбардировке ежедневной, до полного слома воли к сопротивлению.

Горшков склонил голову.

– Силы ИВВС готовы, государь.

Обращаюсь к министру иностранных дел Гирсу:

– Я желаю видеть султана Османии сегодня вечером в Новом Илионе. Доставить его на борту посольского Си-29. Первый воздушный удар произвести до начала этой встречи. Выполняйте.

Такое вот долгое заседание.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. АЭРОПОРТ «НОВЫЙ РИМ». 7 мая 1919 года

Я следил взглядом за приближающейся гигантской сигарой дирижабля. Очередной рейс очередной «Империи». Москва – Город. Официально, конечно, это звучит не так, но я уверен, что в толпе данный рейс именуется именно так.

Как там? Москва – Третий Рим, а Четвертому не бывать? Ну-ну. Тут и Второго предостаточно для полноты впечатлений. Если бы мы не сдерживали переселенческую программу, то сюда хлынули бы миллионы искателей лучшей жизни. Нужно ли говорить, что на этом фоне программа переселения в Сибирь и в Туркестан была, мягко говоря, не слишком-то популярна в народе?

Но мне нужно за двадцать лет переселить сюда двадцать миллионов человек, а отнюдь не пятьдесят-сто. Их тут негде размещать, нечем кормить и нечем занять. Все же Ромея не с Сибирь размером.

Переселенческая программа предусматривала изъятие из русской деревни в европейской части империи шестидесяти миллионов человек за те же двадцать лет. Из них, как уже было сказано, двадцать миллионов должны будут переехать в Ромею, десять – в Туркестан, еще двадцать – за Урал, а оставшиеся десять миллионов предполагалось привлечь в города и на стройки в самой европейской России.

Программа мегаамбициозная. И очень дорогая сама по себе, даже если не считать расходов на создание для всей этой массы рабочих мест. Собственно, основная нагрузка легла (и ляжет) на Министерство служения, посредством которого, во-первых, переселение приобретало более-менее организованный характер, позволяющий перевести все в плановое русло. Во-вторых, данное министерство формировало не только списки, но и определяло потребности на местах – куда, сколько и кого нужно, с понятным графиком прибытия людских волн. В-третьих, это самое министерство массово набирало крестьян либо непосредственно на заводы и фабрики, либо вербовало в Корпус трудового служения, либо мобилизовывал желающих (и имеющих какой-то строительный навык) в части Инженерно-строительного корпуса Единства, где вчерашние крестьяне в рядах нашей доблестной армии беспрерывно что-то строили – дома, дороги, мосты, заводы, возводили плотины и электростанции, рыли Канал Волга – Дон и возводили прочие инфраструктурные объекты.

Разумеется, у меня не было социализма, да и не могло его быть в моих условиях, но я ничего не оставлял на откуп «невидимой руке рынка», предоставляя эту байку на потеху тем же американцам, на полном ходу уверенно идущим к Великой депрессии. У меня же не было ни лишних денег, ни лишнего времени, да и особого желания играть в заведомо проигрышные игры у меня тоже не было. Зато у меня имелся в памяти советский опыт первых пятилеток, у меня были свежи воспоминания о том рывке, который в моей истории совершила Германия в 30-е годы, мобилизовав кучу народу на нужды национал-социалистического хозяйства, поборов безработицу именно созданием своих аналогов трудовых армий, да и методы «Нового Курса» мистера Рузвельта мне были хорошо известны.

Конечно, никаких государственных капиталов империи, никаких «добровольных взносов» той же Германии в Международный банк восстановления и развития, никаких займов и прочих инвестиций мне бы не хватило на рывок. Да, в отличие от большевиков, у меня был и базис лучше в виде неразрушенной Гражданской войной страны и фактического отсутствия эмиграции огромного числа специалистов (ехали как раз к нам). Да, деньги нам давали довольно охотно, с признанием мы не имели никаких проблем, но, во-первых, мои методы были весьма ограничены всякого рода правами собственности и прочим частным капиталом, а во-вторых, я не мог в полной мере использовать методы большевиков в плане обобществления прибавочной стоимости, дабы направлять ее в нужное русло.

Но! Но было и то, что меня роднило с большевиками. Я был решителен, я не собирался тупо набивать свои карманы и отдавать Россию на растерзание всякого рода родственникам и прочим прихлебателям, плюс я точно знал, чего хочу. Причем даже точнее и яснее, чем это было в фантазиях большевиков. По крайней мере я представлял себе, где набили шишки все те, кто двигался по этой дороге за предстоящие сто лет.

Посему я не стал играть в глупый рынок. Он хорош при выпуске ассортимента ситцевых рубаш, но мало пригоден в условиях нынешней России для мобилизации общественных сил и мощного индустриального рывка, а ведь задачи передо мной и империей стояли даже большие, чем перед тем же товарищем Сталиным. Как, кстати, товарищ Хосе Ацери поживает в Мексике на пару с камрадом Ульяни – доном Д'Эбервилем? Троцкий там еще где-то чудит, оберегая интересы американских нефтепромышленников от революционного разграбления.

Но я отвлекся. Стихии рынка мы противопоставили систему. Аграрная реформа не только в основном сняла остроту земельного вопроса, но и позволила нам создать целую сеть агропредприятий на базе прежних крупных латифундий, а также еще большее количество

сельскохозяйственных артелей, объединив в них немалую часть вчерашних фронтовиков-ветеранов. Такие артели и агропредприятия получали льготные кредиты и прочие послабления, а самое главное, они не подлежали разделению по принципу «взять всё да и поделить». Такие более крупные артели имели возможность завести и тракторы, и лошадей, и сельхозинвентарь всякий, а не уродовались на пяти десятинах, как крестьяне-единоличники.

Империи же это давало весьма значительное количество продукции, которую мы (государство) закупали еще весной по фиксированным ценам, формируя таким образом свой закрома Родины, что, с учетом казенной монополии на внешнюю торговлю, давало нам широкое поле для маневра. Мы могли и создавать резерв продовольствия на случай неурожая, и сравнительно дешево кормить все свои трудовые и прочие армии, могли осенью и зимой влиять на цены на хлеб в стране, а излишек могли отправлять и на экспорт, тем более что законтрактованное зерно из Румынии и Болгарии обходилось Ромее дешевле, чем наше, а та же Германия с удовольствием русское зерно покупала.

Да, всей социалистической прибавочной стоимости я не имел в своем распоряжении, но, повторюсь, условия у меня были лучше, чем у большевиков.

Аграрная реформа также послужила катализатором массового исхода из деревни лишних людей, которые не могли себя прокормить с четырех-шести десятин, по каким-то причинам в агропредприятия не шли, а в те же фронтовые артели их не брали. Вот и потянулись из деревни людишки в город, где их тут же брало в оборот Министерство служения. Впрочем, вербовщики активно ездили и по деревням, агитируя либо на переезд, либо на трудовое служение на благо Отечества, что не только давало гарантированный кусок хлеба для себя и семьи, но и дарило весьма реальные перспективы устроиться в жизни куда лучше деревенской нищеты.

В общем, чаще всего схема переселения имела характер прибытия некой бригады или отряда на новое место, где приехавшие обустроивали территорию, а по истечении срока договора (а часто и до его окончания) получали возможность осесть в той местности, которую они же и обустроивали, получив при этом льготы по налогам, подъемным и прочую помощь инвентарем и скотиной. Так что ошибок столыпинского переселения в Сибирь я старался не повторять.

И, кстати, осенью этого года я планирую принять план первых пятилеток 1919–1939 годов. Осталось за эти двадцать лет не свалиться в большую войну типа той, что зреет сейчас на Балканах...

Тем временем дирижабль пришвартовался, и мощные моторы потянули его тросами вниз, жестко фиксируя на посадочном столе. Еще несколько минут, и начнется высадка пассажиров. Так что мне пора.

Небольшая делегация (я, Ольга и свита) направилась к «Империи». Это не был официальный визит, поэтому не предусматривалось никаких помпезных мероприятий. Просто пассажиры. Просто встречает их император. Ну что тут такого?

– Привет, пап.

Георгий искренне обнял меня и поцеловал в щеку.

– Здравия желаю, ваше всевеличие.

Мишка сделал официальный кивок, остановившись в трех шагах. Вот же упрямец! В кого он такой? А в кого я такой?

Не обращая внимание на мелкую фронду и прочий детский сад, я широким жестом обнял обоих.

– Привет, сыны. Как долетели?

Георгий улыбнулся.

– Долетели-то мы нормально, но твое повеление сдать нам экстерном весь курс понравилось далеко не всем.

Киваю.

– И смею полагать, вам лично понравилось меньше всего, верно?

Улыбка.

– Нам – особенно.

Мишка и в этот раз предпочел промолчать. Не нравлюсь я ему в качестве папки. А нравится ли он мне в качестве деда? Впрочем, я уже смирился с мыслью о том, что любые изменения в истории ровным счетом никак не влияют на мое пребывание здесь, поскольку я явно не исчезну из реальности, а равно как не могу изменить ход событий настолько, чтобы все пошло наперекосяк. Во всяком случае, никаких реальных парадоксов истории не наблюдается. Параллельная ли это реальность или другие обкуренные тараканы – все это значения не имеет никакого.

Георгий тем временем обратился к стоящей в нескольких шагах Ольге:

– Здравствуйте, тетушка.

Племянник тут же был расцелован и подвергся придирчивому осмотру:

– Вырос как! Совсем жених скоро будешь!

Мишка стоял и маялся, ограничившись формальным приветствием. Наконец, по моему знаку нам подали автомобильный кортеж из пяти одинаковых электромобилей «Тесла» с плотно зашторенными окнами задних сидений. Ольга пока простилась с мальчиками и отошла к своим авто.

Когда мы уже ехали в Город, Георгий спросил:

– А тетушка почему там осталась?

– Через час ожидается прибытие короля Афганистана. Она будет его официально встречать.

Он тут же полюбопытствовал:

– А почему она, а не ты?

Пожимаю плечами.

– По протоколу, сынок, я должен встречать его на ступенях дворца Единства.

Мальчик кивнул и живо завертел головой, разглядывая случившиеся за время его отсутствия перемены. Да, Город строился. И если в исторической части изменения были еще не так заметны, то вот здесь, на окраине, между жилыми кварталами, Босфором и огромным полем аэродрома, действительно шло нешуточное строительство. Колоссальный транспортный хаб, возводимый на пересечении морских, воздушных, автомобильных и железнодорожных путей из Европы в Азию и из Черного моря в Средиземное.

Впрочем, что знал обо всем этом мальчик? Лишь то, что все вокруг строилось и росло. Равно как и миллионы моих подданных знали примерно столько же.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. 7 мая 1919 года

Наш эскорт въехал на территорию дворца. Автомобили охраны заученно сместились, открывая нашей «Тесле» дорогу к ступеням, ведущим к колоннаде. Через час-другой я буду тут встречать афганского «августейшего брата», чтоб он был здоров, а пока...

Адъютант распахнул дверцу электромобиля.

– Ваше всевеличие...

– Здравствуй, братец.

– Ваше всевеличие, срочное сообщение. Со стороны Венгрии нанесен артиллерийский удар по приграничным областям Румынии. Много погибших. Бухарест охвачен волнениями...

Глава IV

Пожар войны и огонь грядущего

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. 7 мая 1919 года

– Сыновья, вас ждет обед. Увы, компанию я вам составить не смогу, папку вашего ждут государственные дела. Приятного вам аппетита!

Мальчики раскланялись и пошли трапезничать. Господи, когда у меня будут спокойные дни и вечера? Ответ: никогда. Не царское это дело. Не царское.

Что ж, кто-то очень старается хорошенько потыкать палкой в и так растревоженный улей Балкан. Кому-то очень хочется, чтобы полыхнуло. Да, Румыния – самое слабое звено во всей нашей системе. И весьма важное звено при этом. Чьи уши торчат из этого всего дела?

– Гурко и Гирса ко мне. И Слащева. И уточните, где сейчас поезд с баронессой Мостовской.

Черт его знает, какие могут быть сюрпризы, если у тебя на борту королева Румынии.

ОСТРОВ ШПИЦБЕРГЕН. ГРЕНЛАНДСКОЕ МОРЕ. ЛИНКОР «МООНЗУНД». 7 мая 1919 года

Адмирал Колчак изучал в бинокль маневры британской эскадры. Англичане опоздали. Русско-германская эскадра в рамках визита вежливости успела раньше. Два русских линкора и два германских, с соответствующим случаю сопровождением, прибыли на место на одиннадцать часов раньше британцев. К открытому столкновению англичане явно пока не были готовы, поэтому им приходилось, скрипя зубами, лишь маневрировать.

Позади адмирала уже шла разгрузка на берег. Тысячи и тысячи тонн грузов, сотни вахтовиков и членов экипажей транспортов. Пусть пока будущий поселок не будет иметь постоянного населения, пусть сюда бригады прибывают с материка вахтовым методом, но Россия дает всем четко понять, что помимо объявления архипелага Шпицберген и острова Медвежий своей территорией она готова решительно это свое желание утверждать, а Германия демонстрирует поддержку России. Ну, по крайней мере в этом вопросе.

Конечно, Норвегия заявила решительный протест, Великобритания, разумеется, встала на сторону норвежцев, но, как говорится, после драки кулаками не машут. Русско-германская эскадра проводила совместные маневры в виду Шпицбергена и не оставляла британцам никаких шансов помешать высадке на берег первых бригад вахтовиков. Нет, численно и по весу бортового залпа британцы были сильнее, но стрелять по русско-германскому эскадренному построению они явно не спешили.

Что ж, к высадке на Шпицбергене британцы опоздали, но адмирал Колчак не сомневался, что с Медвежьим так просто все не пройдет.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. КАБИНЕТ ЕГО ВСЕВЕЛИЧИЯ. 7 мая 1919 года

– Доложите обстановку, Василий Иосифович.

Генерал империи граф Гурко докладывал:

– От генерала Дитерихса и от нашего военного атташе в Румынии генерала Потоцкого приходят известия об обстрелах территории королевства. Удары были нанесены по нескольким

приграничным городам. В частности, обстрелу подверглись Буштени, Азуга и Рукэр. Имеются жертвы, в том числе среди мирного населения. Также отмечены разрушения и пожары в жилых кварталах. В настоящее время обстрелы прекратились. Местные власти и военное командование обследуют воронки и разрушения, эвакуируют население, ищут неразорвавшиеся боеприпасы.

Мой наштаверх привлекал внимание к нужным точкам на крупномасштабной карте Румынии. Поглядев на места, на которые указывал граф, я невольно хмыкнул:

– Однако! Это сказочная наглость и вызов такой силы, что Кароль не сможет не отреагировать, не потеряв при этом лица!

– Так точно, государь. Снаряды падали всего в пяти-шести километрах от королевской резиденции в замке Пелеш. Уверен, что румынский король даже слышал канонаду.

Да уж, здрасьте вам через окно, как выражаются в Одессе. Это прямой вызов и оплеуха такой силы, что ее должно было быть слышно по всем Балканам.

Хорошо хоть, что обе Ольги уже далеко от места событий. А вот Каролю точно не позавидуешь.

Гурко добавил пикантности в происшедшее:

– И, кстати, один из снарядов в Буштени попал прямо в окно замка Кантакузино, в результате чего случился пожар. Пусть это не королевская резиденция, но тоже весьма чувствительное происшествие.

Что ж, командир лейб-гвардии Моего Всевеличия Гусарского полка генерал князь Владимир Георгиевич Кантакузин может посочувствовать своим румынским родственникам.

– Это точно венгры?

Генерал сделал неопределенный жест.

– Ничего нельзя исключать, государь. Пока мало данных. Возможно, через несколько часов картина более-менее прояснится. Согласно первичной оценке характера попаданий в здания, а также если судить по форме воронок и разбросу грунта от взрывов, обстрел велся со стороны Венгрии. Более точные выводы пока сделать не представляется возможным.

– Какова вероятность, что это провокация?

– Достаточно велика, государь. Обстрел не носил характер артподготовки, и в нем вряд ли принимало участие больше трех-четырех батарей, установленных в разных местах. В общей сложности, по оценочным прикидкам, по румынской территории выпущено не более сотни снарядов разных калибров. Сам обстрел длился не более четверти часа, но явно был скоординирован, поскольку начался и закончился во всех случаях примерно в одно и то же время. На мысль о провокации наводит также факт, что за обстрелом с венгерской стороны не последовало никаких действий.

– Что румынский генштаб?

– Там, судя по всему, не сомневаются в том, что удар нанесен именно венграми. Заявлено, что в Буштени найден неразорвавшийся снаряд 100 mm high explosive, который, судя по всему, был выпущен из гаубицы чешского производства 10 cm FH M 14 или даже новейшей Škoda 100-mm vz. 14/19. Впрочем, последних на вооружении австрийской и венгерской армий не так много.

– У румын есть эти гаубицы на вооружении?

– Да, государь. Семьдесят гаубиц 10 cm FH M 14 было передано нами румынам из числа захваченных при наступлении трофеев. По нашим оценкам, еще где-то двадцать-тридцать было захвачено самими румынами. Вокруг того же Буштени в шестнадцатом и в семнадцатом шли довольно серьезные сражения. Так что, при желании, такими орудиями могли воспользоваться и румыны.

– Яков Александрович, насколько ваши румынские коллеги смогли бы такое проверить?

Граф Слащев-Босфорский ответил осторожно:

– Государь! Уровень подготовки румынских сил спецопераций довольно слаб, но тут вопрос не в подготовке.

Смею обратить внимание вашего всевеличия на вот какой момент. Там довольно гористая местность со множеством укромных мест, но, насколько я понимаю, применялись при обстреле обычные полевые гаубицы, а не их горный, облегченный вариант. Такие орудия по горным дорогам не вдруг доставишь на скрытую позицию. Кроме того, это не только горная местность, она еще и приграничная, где сосредотачиваются румынские войска, готовящиеся к войне с Венгрией. В таких условиях весьма непросто скрытно развернуть несколько батарей. Да и выстрелы в горах хоть и искажаются эхом, но слышны довольно далеко. На этом основании я бы действительно не исключал обстрел именно с венгерской территории. Другое дело, кто именно вел огонь. Если, конечно, неразорвавшийся снаряд не был подброшен в развалины теми, кто его нашел.

Да, пройдоха Емец так бы и сделал. Изящно и со вкусом.

– Михаил Николаевич, ваша оценка ситуации?

Министр иностранных дел господин Гирс поднялся из-за стола:

– Ваше всевеличие! Пожар на Балканах нужно гасить. Я рекомендовал бы вашему всевеличию выступить посредником между королями Румынии и Венгрии. Представляется правильным создать совместную следственную группу по расследованию данного инцидента. И само следствие, и даже переговоры о создании такой группы, все это займет время, как минимум несколько дней, а за это время мы сможем сбить накал страстей.

Я посмотрел на Гурко.

– Государь, судя по всему, в Бухаресте настроены весьма решительно. Генштаб объявил частичную мобилизацию. Армия королевства приведена в полную боевую готовность, и ряд частей уже получили приказ начать выдвижение в районы сосредоточения.

Хмуρο барабаню пальцами по столу.

– Шифрограмму Дитерихсу. Пусть тянет время, пусть убеждает Кароля, что мы от помощи не отказываемся, но нам требуется время на переброску сил, вооружений и прочих припасов. Хотя бы пару недель. Пусть пообещает что-нибудь поставить... Что мы можем им поставить незамедлительно, но так, чтобы это растянулось по времени?

Гурко вновь поднялся на ноги.

– Государь, как вариант, мы можем поставить румынам те же чешские гаубицы с наших складов трофеев в Бессарабии. Пообещать сотню-другую, боеприпасы к ним, прочие ремкомплекты. Кароль же хотел от Дитерихса получить пушки? Вот так мы и затянем процесс на пару недель. Можем еще пулеметы пообещать. А к тому времени, как все это начнет в войска поступать, этот инцидент как-то и позабудется.

Киваю.

– Что ж, на том и порешим. Дитерихсу дайте шифрограмму. Вы, Михаил Николаевич, активно подключайте дипломатию, а я сяду писать письма Каролю и Карлу. Теперь по османам и прочим туркам. Удалось ли найти банду с нашими заложниками?

Граф Гурко склоняет голову.

– Так точно, государь. Длинная вереница людей, животных и прочих повозок хорошо видна с воздуха. Двигаются медленно из-за большого обоза с награбленным, опять же, идут женщины и дети. Обращаю внимание вашего всевеличия, что если дело затянется, то не все наши заложники выдержат такой поход по горам, тем более что бандиты вряд ли слишком уж делятся с ними едой и водой.

– Что ж, господа, жду ваших соображений на сей счет. Что мой османский царственный брат?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.